

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Что же таит картина
Зинаиды Серебряковой
«Прощание славянки»,
если за ней идет
настоящая охота...

Елена АРСЕНЬЕВА

Тайна Зинаиды Серебряковой

Елена Арсеньевна Арсеньева
Тайна Зинаиды Серебряковой
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39830364
Тайна Зинаиды Серебряковой: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096490-1

Аннотация

Мог ли подумать австралийский миллионер Джейсон Полякофф, решив однажды жениться на русской красавице Соне Богдановой, что любовь к ней сведет его с ума? Мог ли он ожидать, что эта любовь превратит его из законопослушного человека в преступника? Мог ли он представить, что желание обладать картиной, на которой изображена женщина, удивительно похожая на Соню, доведет его до ограбления русского провинциального музея, где хранится это сокровище – полотно Зинаиды Серебряковой «Прощание славянки»? И мог ли Джейсон вообразить, что Сонь окажется две, а он будет вовлечен не только в преступление, но и в историю многолетней мести...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Елена Арсеньева

Тайна Зинаиды Серебряковой

© Арсеньева Е.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

– Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе! – истошно заорал кто-то сзади, и Лида чуть не выронила сумку. – Привет, Золотая Ножка!

Испуганно обернулась. Тощий, рыжий парень вытянул трубочкой толстые губы, сделал ими плотоядное: «Чмок!» – и пошел своей дорогой, то и дело, впрочем, оборачиваясь и меряя сладострастным взором предмет своего восхищения.

Вернее, предметы – ног-то было две.

Какой, оказывается, приятный город Северо-Луцк и какие приятные живут в нем люди! Главное, сообразительные: парень за какие-то полминуты успел сопоставить Лидины ноги с ногами всех местных женщин и присудить золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» именно ей. Человек-компьютер! Наверное, в голове у него собрался солидный банк данных, и вот мгновенно...

И вдруг Лиду осенило. Да почему мгновенно-то? Наверняка не раз любовался молодой человек «самыми красивыми ногами в Северо-Луцке и районе», не раз, конечно, выкрикивал вслед им что-то подобное.

«Золотая Ножка»! Как же Лида сразу не догадалась? Сонька Золотая Ручка, знаменитая одесская воровка. А «Золотая Ножка» – это наверняка о ее сестрице. Сонька Золотая Ножка...

«Значит, мы все еще похожи, – подумала она почему-то испуганно, хотя, наверное, этого следовало ожидать от двойников-близняшек даже через двадцать семь лет после их появления на свет. – Меня приняли за нее, вот и всё. Мои ноги – за ее!»

Обиженно поджала губы. Значит, и вожделение в глазах рыжего парня, и его сладострастное «Чмок!» не имели к ней, Лиде Литвиновой, никакого отношения. Все предназначалось Соне Богдановой.

Острый приступ зависти едва не заставил ее повернуть к вокзалу. Уже не впервые испытывает Лида это режущее чувство. Первый раз – как только прочла случайно найденное письмо Ирины Богдановой (своей родной матери, как выяснилось) и увидела выпавшую из конверта фотографию пятнадцатилетней девчонки с длинной челкой и яркой улыбкой.

Сначала показалось, это она сама, но такой фотографии у себя Лида не помнила. К тому же глаза и губы у девчонки были явно подкрашены, и в памяти мгновенно всплыло,

сколько сражений ей пришлось выдержать в свое время с родителями... следовало бы уточнить: с приемными родителями! – которые ни в какую не позволяли ей выстричь челку, а тем паче – краситься, даже когда Лида собиралась на дискотеку. А если она возвращалась хоть на минуту позднее десяти вечера, в доме начиналось просто-таки мамаево побоище! У этой девчонки, конечно, было несчетно парней, которые провожали ее домой и с которыми она всю целовалась, конечно... Не то что Лида, которая поцеловалась впервые в двадцать лет, а когда решилась наконец (в двадцать пять годиков!) переспать с мужчиной, не нашла ничего лучшего, как в самый ответственный момент лишиться чувств от их избытка.

Герой ее романа тоже оказался слабоват в коленках и так струхнул, что дал дёру, оставив Лиду распростертой на полу (эксперимент проводился не в тривиальной койке, а на раскиданных в живописном беспорядке мехах, роль которых исполняли Лидина новенькая норковая шубка и дубленка Анны Васильевны). А тут родители возьми да вернись с дачи! Увидав окровавленную – пардон! – дочь, в непотребной позе лежащую на раскиданных вещичках, Анна Васильевна решила, что имели место быть грабеж, изнасилование и убийство. Она тут же рухнула рядом с Лидой в тяжелейшем припадке...

Об этом тоже неохота было вспоминать, но вспоминалось всякий раз, когда Лиде взбрело в голову фантазия повто-

ритель опыт. Черта с два! Первое впечатление – самое сильное, и если кое-кто называл ее мужененавистницей, он был не так уж сильно не прав.

Лида тряхнула головой, отгоняя ужасные картины, пошлупавшие всплывшие перед глазами, и смахнула слезинку.

Вот глупость, а? Разве ради этого приехала она сюда, в Северо-Луцк, и разве к слезам располагало замечательное приветствие, которым встретил ее рыжий губастый парень: «Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе!» Может, он и имел в виду при этом Соню Богданову, но видел-то он перед собой Лиду Литвинову, и комплимент по праву предназначался именно ей.

Настроение слегка исправилось. Лида победно усмехнулась и пошла дальше по улице Красных Зорь, отыскивая номер 21-а на домах, которые отродясь не знали нумерации, но где-то на окраинах сознания билась-трепетала вороватая мыслишка, которая родилась у нее при первом же взгляде на фотографию накрашенной пятнадцатилетней красотки – ее сестры-близнеца: «Вот бы мне быть такой! Ну почему, почему Литвиновы отдали матери именно Соньку, а не меня!»

* * *

Струмилина тормознула на самом въезде в Северо-Луцк. Посмотрел на часы – ну ничего, время пока есть поприпираться с этим лейтенантом, настолько замороженным жарой,

что в лице его появилось почти жалкое выражение, а голубые глаза казались выцветшими. Сколько в такую отъявленную погоду вспыхивает опасных стычек между властью имущими и теми, кого они по службе гнут в дугу! С другой стороны, против лома нет приема, молчи, терпи и плачь, как писали классики.

Классики, как всегда, оказались правы.

Опасно улыбнувшись, лейтенант проверил документы, коварно подергав ремень безопасности, однако зря старался: Струмилин пристегивался всегда, надо или не надо, с тех пор, как ровно год назад чуть не погиб: водителю внезапно стало плохо за рулем, а доктор Струмилин по лихости своей пренебрегал привязным ремнем. Ваныч, бедняга, так и помер тогда от чертова тромба, ну а Струмилин хоть и поломался немножко, но выжил все-таки.

– Багажник откроем, – велел инспектор.

Ничего интересного, кроме запаски в чехле, в багажнике не оказалось. Ее потребовали расчехлить. Потом последовал очередной приказ: дыхнуть.

Струмилин исправно дыхнул. Поскольку ничего, кроме «Саровской», он в этот день непил, инспектор разочарованно сморщил нос.

– А теперь на меня дыхни, – предложил отошедший от проверенного им «мерса» другой инспектор – прапорщик. Даром что был он в звании пониже первого – возрастом куда старше, и во взоре у него не было ни грамма усталости. Кар-

манчик на груди прапора заметно оттопыривался серо-зеленьким: похоже, водила «мерса» откупался по всем правилам.

Даже более опытный нюх прапорщика не смог уловить ничего подозрительного в выдохах Струмилина. Лейтенант поиграл желваками.

– Пойдемте, в трубочку дыхнете, – приглашающе махнул он на бунгало, в котором размещался пост ДПС.

– Пойдемте, – с видимой охотой согласился Струмилин, начиная размышлять, что бы это значило.

Да пожалуй, ничего особенного. Скорее всего, ребяташки, едва заступив на дежурство, уже начали заботиться, как будут снимать стресс вечером, вот и прицепились к бедолаге с номерами другой области.

Между тем инспектор был явно огорчен его готовностью подвергнуться экспертизе.

– Нет, не надо, – вдруг затормозил он, сделав к бунгало ДПС всего один шаг. – Лучше покажите ваш техталон.

Струмилин и бровью не повел – показал.

– Все в порядке, – простонал инспектор, готовый признать поражение. – Извините... у вас водички попить не найдется?

Струмилин подал ему непечатую бутылку «Саровской» и с жалостью смотрел, как лейтенант хлобыщет из горлышка, постепенно возвращаясь к жизни. «Как бы ни ожил настолько, что прицепится уже всерьез!» – вспомнил Струмилин старинную сказку про какого-то Ивана, не то царевича,

не то дурака, который напоил однажды в схожей ситуации Кощея Бессмертного водичкой – на свою беду напоил!..

– Ну что? – спросил вдруг прапор. – Будем протокол составлять?

Лейтенант поперхнулся.

– За что? – осведомился Струмилин.

– А за езду с непристегнутыми ремнями, – сообщил прапорщик.

– Это с чего же вдруг? – не в шутку удивился Струмилин, вспомнив, как назойливо дергал лейтенант за ремень.

– С того, что, когда я к вам подошел, ремень не был пристегнут! – сообщил прапорщик.

Струмилин растерянно моргнул. Крыть нечем: не был ремень пристегнут. Похоже, такая маленькая деталь, как то, что Струмилин в это мгновение не сидел в кабине, а стоял возле багажника, не играла никакой роли. И он опять подумал про Ивана-царевича... нет, все-таки дурака!

– Уймись, Васильев, – сказал наконец-то прокашлявшийся «Кошей» – в смысле лейтенант. – Все в порядке там было с ремнем. Иди тормозни того синего, родилось у меня подозрение, что у него аптечки нету!

На миг в разочарованном взоре прапора, устремленном на Струмилину, вспыхнуло вождение: у него-то аптечку не проверили! – однако он не посмел послушаться старшего по званию и, поигрывая жезлом, кинулся чуть не под колеса старенькой противно-синей «Волге», которая сразу пообещала

поживу ДПС, предательски завизжав тормозами.

Возместивший недостаток влаги и обретший совесть лейтенант даже попытался вернуть полупустую бутылку. Струмилин с усмешкой махнул рукой на заднее сиденье, где лежали в пластиковой разорванной упаковке еще девять таких же бутылок:

– Да пейте на здоровье!

– Ого! – с уважением сказал лейтенант. – Крепко затарились. Дорога долгая?

– Нет, я уже практически приехал. А это – нижегородские сувениры друзьям. У вас такой воды нет.

– Значит, конкретно в наш городишко едете? – спросил лейтенант, озабоченно шныряя глазами, обретшими натуральный васильковый цвет, по вверенному ему участку шоссе. – Командировка или как?

«А не пошел бы ты подальше?» – осведомился Струмилин мысленно, однако вслух, неожиданно для себя, сказал правду:

– На поминки еду. Сегодня година дружку моему. Я не был ни на похоронах, ни на всяких девятинах-сороковинах – в аварию попал, – ну вот, надо почтить память.

Васильковые глаза лейтенанта внезапно приковались к его лицу, что-то мелькнуло в них – особенное, – и он спросил тихо:

– Это, случайно, не Костя Аверьянов?

Струмилин от неожиданности даже охрип:

– Он самый.

– Царство небесное, – тихо сказал лейтенант и, кинув бутылку и жезл под мышку левой руки, торопливо перекрестился.

– Царство небесное, – машинально отозвался Струмилин, глядя на него во все глаза. – А вы что, знали Костю?

– Мы соседи, – пояснил лейтенант. – *Были* соседи, да... Сегодня жена моя собирает стол для тех, кто захочет его помянуть. Эта-то сучка Сонька никого звать не намерена, вообще сомневаюсь, что она вспомнит, какой сегодня день, ну, хоть мы... Вы Соньку видели небось, знаете, что это за птица?

– Не имел такого удовольствия, – сухо отозвался Струмилин. – Однако наслышан сверх всякой меры.

– Во-во! – хмыкнул лейтенант. – Воистину – сверх всякой меры. Так что вот: приходите к нам после девяти. Я раньше не смогу – на дежурстве. Адрес Костин знаете? Красных Зорь, двадцать один-а, квартира девятнадцать. А у нас квартира двадцать.

– Извините, не приду, – неловко отказался Струмилин. – Я нарочно еду встретиться с друзьями и сходить к Косте на могилку. И нынче же вечером обратно в Нижний.

Лейтенант вытянулся, кинул ладонь к козырьку, словно в стареньком «Рено» сидел перед ним сам министр внутренних дел, а не худой парень в мятой футболке, которого он только что мучил со всей строгостью закона:

– На кладбище будешь – передай Косте привет от Гоши Володина. От меня, значит.

– Сделаю, – кивнул Струмилин и с места взял скорость, опасливо поглядывая в зеркальце заднего вида. Надо же было ляпнуть такое: на поминки, дескать, приехал, а нынче же вечером – обратно. Одно из двух: или вечером сядет за руль пьяный вдрабадан – с поминок-то приличные люди в ином состоянии не уходят! – или вовсе на них не будет пить. А разве такое возможно?!

Просто странно, что лейтенант Гоша не обратил на это внимания. Молодой еще. Вот тот изверг в форме, Васильев, непременно обратил бы!

* * *

– Внимание, дамы и господа! Просьба пристегнуть привязные ремни и воздержаться от курения. Наш самолет приступил к снижению и через несколько минут совершит посадку в московском международном аэропорту Шереметьево-2. Напоминаем вам, что, в интересах вашей же безопасности, на борту по-прежнему запрещено пользование мобильными телефонами. Самолет вступил в полосу низкой облачности, поэтому просим извинить за возможные неприятные ощущения. Спасибо за внимание.

Иначе говоря, возможна болтанка. Джейсон поморщился. Это не неудобства, а большая гадость! Он в принципе хоро-

шо переносил полет, но стоило вспомнить, как трясло при вылете из Сиднея... Желудок вдруг вздымался к горлу и там замирал. Джейсон справился с тошнотой, но многим пассажирам потребовались пакеты. Его соседка, весьма элегантная дама бальзаковского возраста, была среди них.

Джейсон, конечно, тактично отворачивался, однако никакого сочувствия не ощущал. Ведь еще в аэропорту Сиднея эта пассажирка обратила на себя его внимание своей подчеркнуто-ледяной, даже брезгливой ко всему окружающему физиономией, да и потом, оказавшись его соседкой, держалась отчужденно, даже не ответила на любезное приветствие, а только напустила на себя еще больше холода.

«Возможно, она опасается моих сексуальных домогательств? – подумал Джейсон. – Ведь эта феминистская американская мода доползла и до тихой, патриархальной Австралии! – Или, еще того лучше, лесбиянка-мужененавистница? От такой лучше держаться подальше». И он оставил все попытки быть приятным.

Потом, впрочем, лед был сломлен. Они даже разговорились, и Джейсону была поведена причина ее необычайной сдержанности и холодности.

Оказывается, Келли Рассел – а она направлялась в Россию впервые в жизни – специально предупреждали насчет этих русских, которые, как известно, причина всех бед, которые приключаются в цивилизованном мире. Это раньше, когда «железный занавес» только-только упал и они бросились в

страны цивилизованного мира, их можно было сразу узнать. Как правило, они были чрезмерно толстыми, громкоголосыми, носили нелепые малиновые пиджаки, за все платили наличными, причем доставали пачки долларов из карманов и швыряли на стол, не считая. Пальцы они при этом держали растопыренными – «веером», как говорят сами русские. Таких особей можно было легко выделить в толпе и держаться от них подальше. Но времена изменились. Русские изменились тоже. Теперь они – не все, конечно, а самые умные, то есть самые опасные! – похудели, вставили хорошие зубы, выучили английский (вернее, американский) язык, надели элегантные костюмы и обувь из настоящей кожи. Теперь они не расшвыривают деньги в пределах свободного мира, а, наоборот, норовят обобрать его, как только могут.

Накануне отлета «в эту варварскую Россию» Келли Рассел выслушала не меньше полусотни жутких историй о том, как элегантные, обаятельные джентльмены втираются в доверие к привлекательным австралийским бизнесвумен, прельщая их блестящими проектами выгоднейших инвестиций в самые стабильные отрасли полуживой российской промышленности. Знакомиться эти пройдохи почему-то предпочитают именно в самолетах, отчего Келли заранее надела на свое хорошенькое личико ледяную маску. Джейсон еще в аэропорту показался ей подозрительно-элегантным, а уж когда она услышала, как провожающий называет его «мистер Полякофф», то и решила, что начинают сбываться самые

мрачные прогнозы ее приятельниц.

– Да, моя фамилия Полякофф, – сказал Джейсон. – И – вы только, ради бога, не пугайтесь, миссис Рассел! – во мне в самом деле есть толика русской крови! Ведь родители моего деда некогда вывезли его в Новый Южный Уэльс – это произошло в самом начале столетия. У деда был совместный бизнес с австралийскими овцеводами, а эти вложения помогли ему сохранить капиталы потом, когда богатые люди в России лишились всего, до последнего гроша. Фирма же «Полякофф и Туитмен» (так звали австралийского партнера) процветала, хотя и называлась теперь просто «Вуул Полякофф».

– О, так вы тот самый «шерстяной Полякофф»! – вспомнила в это мгновение Келли, и лицо ее окончательно прояснилось.

– Да, – кивнул Джейсон, – Тот самый. Поэтому меня совершенно нечего бояться. Да и русский-то я всего лишь на четверть, потому что и дед, и отец женились уже на австралийках. А мои дети – если у меня когда-нибудь будут дети...

– Как? – перебила Келли, необычайно вдруг оживившись. – У вас нет детей?! Но почему? Ах, извините мою нескромность, сэ...

– Охотно извиняю, – легко улыбнулся Джейсон. – А детей у меня нет прежде всего потому, что я не женат.

– Иисусе сладчайший! – выдохнула Келли, из чего Джейсон сделал вывод, что его собеседница – ярая католичка. –

Какая... какая необыкновенная удача! Видите ли, у меня в Сиднее – брачное агентство. О, совсем небольшое, конечно, однако оно пользуется популярностью у клиентов из среднего класса. И возможно, мистер Полякофф слышал, что русские невесты всегда пользуются во всем мире огромным спросом. И многие австралийские холостяки и вдовцы пытаются счастье наудачу, посылая свои брачные объявления в русские газеты. Однако, увы, в России жулики – не только мужчины, но и женщины. Не передать, сколько раз доверчивые австралийцы сталкивались с такой ситуацией: они получают снимок прекрасной женщины (а некоторым даже присылали видео, чтобы окончательно заморочить им голову!), очаровываются ею, решаются на личную встречу и высылают предполагаемой невесте оплаченный билет до Австралии и даже немалую сумму на первоначальные расходы. И на этом история заканчивается. Ни невесты, ни – это уж само собой! – возврата денег. Конечно, может такое быть, что девушка вдруг заболела или умерла...

Келли была так увлечена своим повествованием, что даже не заметила, по лицу ее внимательного слушателя пробежала тень.

– Однако, как правило, налицо типичное брачное мошенничество. Скажем, не раз и не два имел место быть такой случай: вытянув деньги из одного доверчивого австралийца, авантюристка сдает присланный ей авиабилет, увеличив, таким образом, свой капитал, и быстренько посылает фото и

видео другому жениху. Такой фокус недавно вскрылся, когда некая особа принялась морочить голову одновременно двум кузенам. Эта печальная история навела меня вот на какую мысль. Наше дело нельзя пускать... как это будет по-русски? – нельзя пускать на самотек. Необходима прочная связь с российскими брачными агентствами. Я с большим трудом нашла людей, которым, кажется, можно доверять, и сейчас лечу в Москву именно для того, чтобы лично договориться о взаимовыгодном сотрудничестве...

Вдруг ее осенила мысль, такая великолепная, что Келли едва не захлебнулась от восторга.

– Вы очень привлекательны внешне и еще весьма молоды, – выпалила она. – Вам... сколько? – Келли обмерила соседа жадным взглядом. – Сорок... э-э?

– Тридцать девять, – слегка приподняв брови, холодно сообщил тот. – На днях исполнилось.

– Вы выглядите значительно моложе, – профессионально соврала Келли. – И если многоуважаемый сэр желает... он вполне может стать первым клиентом будущего агентства «Рашен старз». У вас отбою не будет от невест! Причем эту услугу мы окажем вам бесплатно. Ваше имя будет в Австралии такой рекламой, которая окупит все расходы!

Тут Келли вдруг спохватилась. Кажется, она несколько переувлеклась... Мистер Полякофф глядел на нее с каменным выражением.

«Пресвятая Дева, – мысленно осенила себя крестом Кел-

ли, – а что, если это гей?! О... как же я сразу не догадалась!»

Мистер Полякофф проникательно усмехнулся:

– Я знаю, что вы подумали. Уверяю вас, я вполне нормальный человек, с нормальными пристрастиями. Не слишком, может быть, темпераментный и чрезмерно разборчивый – это да. У меня есть страстное увлечение, однако оно не имеет отношения к сексу. Я, видите ли, заядлый коллекционер русского искусства начала столетия – в России это время называется Серебряным веком. Собственно, именно в связи с этим и лечу в страну моих предков. И мне – простите великодушно и поймите правильно! – будет не до того, чтобы устраивать свою личную жизнь. Кроме того... Кроме того, именно с «русскими невестами» связано одно из самых печальных, самых горестных воспоминаний моей жизни.

Джейсон помолчал, потом неожиданно для себя сказал:

– Открою вам секрет, чтобы уж окончательно расставить все точки над *i*. Я вряд ли буду в ближайшее время котиrowаться на брачной бирже. Ведь я лечу в Россию также и для того, чтобы почтить память женщины... единственной, может быть, женщины, которую я в своей жизни любил.

И только тут Келли обратила внимание, что ее загадочный спутник одет в строгий, даже мрачный черный костюм и вид у него в самом деле совершенно такой, как если бы он собрался на похороны.

Лида довольно долго стояла перед дверью с цифрой 19, не решаясь позвонить. Потом осмелилась – тренькнула разок, и опять долго ждала.

Никого? Осечка вышла! А драгоценное время уходит. На сегодня еще столько намечено...

Она снова потянулась к звонку, и в этот момент раздалось скрежетание и ворчанье открываемых замков, а потом дверь распахнулась и на пороге возникла высокая девушка в коротком и узком бирюзовом халатике. Уставившись на Лиду смеющимися глазами, она нервно отвела со лба челку (челку!) и шепнула:

– С ума сойти!

Потом она схватила Лиду за руку и сильно дернула, втаскивая в квартиру. Тотчас вырвала у нее сумку, брякнула куда-то на пол, наскоро чмокнула Лиду в щеку, обдав ароматом каких-то невероятно приятных, незнакомых духов, и махнула вдоль длинного темного коридора, в который выходили две двери. Жестами девушка с челкой показала Лиде, что в первую дверь она входить не должна, а должна войти во вторую. При этом глаза ее все время смеялись, и Лиде тоже вдруг сделалось необыкновенно смешно, и вообще, было нечто необыкновенно естественное в том, что она вот так стоит рядом со своей сестрой-близнецом, которую с рожде-

ния не видела, а ощущение такое, будто и не расставались никогда, и вся жизнь их прошла рядом.

– Сонечка! – вдруг донесся из глубины квартиры встревоженный женский голос. – К вам кто-то пришел? Вы где?

Соня сделала Лиде страшные глаза и снова махнула рукой вдоль коридора.

Та кивнула и послушно пошла – почему-то на цыпочках: наверное, потому, что от волнения забыла о домашней привычке разуваться у порога и не хотела стучать каблуками.

– Все в порядке, Людмила Григорьевна, – отозвалась Соня, тщательно запирая дверь, и Лида с новым волнением услышала ее – свой! – голос. Очень приятный голос, надо сказать. Совсем не такой уж писклявый и неестественный, каким он предстал в записи. С другой стороны, кто может говорить естественно, если знают, что его в это время записывают на магнитофон? Лида, например, не могла. – Это соседка приходила денежку занять. Пенсию задержали, а мне разве жалко?

– Добрая вы душа, Сонечка, – уже успокоенно, размягченно отозвалась Людмила Григорьевна – и почему-то испуганно ойкнула.

Лида знала, почему она ойкнула. И сама-то еле удержалась от испуганного восклицания, по забывчивости сунувшись в ту самую дверь, куда ей не позволяла войти Соня, и увидав в зеркале напротив жуткое, неподвижно-белое лицо со вздыбленными волосами. Обладательницей этого лица

и волос оказалась дебелая дама неопределенных лет, облаченная в какую-то странную одежонку, едва прикрывавшую пышную грудь и не доходившую до пухлых колен. Дама в вольготной позе полулежала на высокой узкой кушетке и вся была освещена чрезмерно ярким светом ногостой лампы. Рядом громоздилась металлическая этажерочка, вся уставленная баночками и бутылочками.

Лида только окинула комнату мгновенным взором – и отпрянула, испуганно оглянувшись на сестру. Та грозила ей кулаком одной руки, а другой зажимала рот – такое впечатление, чтобы не прыснуть.

Впрочем, голос ее был совершенно спокоен, когда она вошла в комнату и произнесла:

– Что случилось, Людмила Григорьевна?

– О господи, Сонечка, – все так же испуганно отозвалась дама. – У меня от жары, что ли, глюки начались, верите? Вдруг почудилось, что вижу вас в дверях, но одетой совершенно иначе, в какую-то серую юбку и черный пиджак, прямо как призрак... Вы мелькнули – и исчезли. И вдруг входите снова вы!

– Ей-богу, то была не я, – не погрешив против истины ни словом, поклялась Соня. – Это небось и правда был глючок небольшой. Душновато здесь, вам не кажется? Может, проветрим маненько?

– Нет, но у нее было совершенно ваше лицо! – упорствовала дама. – И фигура ваша, и волосы. Это были вы, совер-

шенная вы! Или ваш близнец.

– Людмила Григорьевна, да бог с вами, – уже с оттенком нетерпения буркнула Соня. – Близнец отпадает в полуфинале. Вы же сто лет знали матушку – я у нее была единственной страдальницей. Дальше: сами подумайте, разве я могла бы переодеться в две секунды в пиджак с юбкой и обратно? И я вроде бы не больная, чтобы таскаться в такую жару в пиджаке!

– Вроде бы нет, – как-то не очень уверенно констатировала Людмила Григорьевна.

– Вот и ладненько, – сказала Соня. – Давайте-ка лягте, я вам масочку сниму. Вы же хотели побыстрее уйти, да и меня сегодня время поджимает.

В соседней комнате Лида мысленно хлопнула себя по лбу.

Ну конечно! Дамина физиономия потому имеет столь дикий вид, что вымазана косметической маской! Пожалуй, парафиновой. И этот странно высокий стол, и этажерка, и лампа с причудливо изогнутой ножкой – неперменные принадлежности косметического кабинета. Ее сестра – эти слова звучали непривычно до дикости – Соня Богданова завела на дому косметический салон. И этим, очевидно, зарабатывает себе на жизнь.

Кстати, почему она все время называет сестру Соней Богдановой? Хоть у близнецов, судя по книжкам, судьбы складываются весьма похоже, однако совсем не обязательно, чтобы Соня до двадцати семи лет оставалась одинока, как и Ли-

да. У нее уже другая фамилия. Просто чудо, что она живет по тому же самому адресу, который был указан в письме Ирины Богдановой. Мужа Сониного, правда, не видать, да и вообще – в комнате, которую оглядывает Лида, ничто не указывает на присутствие мужчины. Нормальная, чисто дамская комнатенка, обычная мебель, обычные безделушки, правда, картин много, все больше русские пейзажи. Эге, а это что такое? Это не пейзаж, а вырезанная из какого-то альбома или календаря и пришпиленная к обоям портновскими булабочками репродукция малоизвестной картины Серебряковой «Прощание славянки».

Да, Серебрякова теперь в моде, «Сотбис» за нее дает сумасшедшие деньги. Интересно, знает об этом Соня или ей просто нравится картина, как нравится, к примеру, Лиде? Конечно, женщина на картине, эта вдова, за спиной которой пылает погребальный костер мужа, – вылитая Соня. Или вылитая Лида... Вряд ли они обе позировали Зинаиде Серебряковой – в 1919-то году! – просто натурщица была на них страшно похожа. Все-таки есть, наверное, что-то в этих рассказах о переселении душ или двойниках, прошедших сквозь время.

А еще что-то, безусловно, есть в рассказах о странном сходстве близнецов, которые выросли далеко друг от друга! Взять хотя бы эту картину, которая нравится им обоим. И Соня точно так же, как Лида, говорит не «мама», не «мать», а «матушка». И если она к тому же обожает абрикосовый

КОМПОТ...

Лида вдруг вздрогнула, оглянулась – и обнаружила, что Соня стоит, опершись о притолоку, и пристально смотрит на нее. И сколько времени, интересно знать, длится это разглядывание?

– Только что вошла, – сказала Соня, и Лида даже вздрогнула. А может, она невольно спросила вслух? – Проводила клиентку – и сразу к тебе. Ты давно знаешь?

Не было нужды уточнять – о чем.

– Недели две. Хотела приехать сразу же, как нашла письмо Ири... то есть нашей матушки.

– Письмо?! Да как же Анна Васильевна его сохранила? Мать иногда – из чистой вредности! – пыталась писать Литвиновым, но безответно. И тебе об этом, конечно, никто ни гугу?

– Никто. Я сразу хотела расспросить отца – в смысле Дмитрия Ивановича. Но не успела, он умер. Сама понимаешь, похороны, девятины... а как только освободилась, приехала тут же. А ты?

– Да уж давненько, небось лет восемь-десять, – усмехнулась Соня, все так же опираясь о притолоку, словно опасаясь приблизиться к Лиде. – Вру – одиннадцать! Мне как раз исполнилось шестнадцать, и матушка вдруг ни с того ни с сего потащила меня на один день в Нижний. Как с печки упала! С вокзала, помню, поехали на площадь Свободы, а оттуда еще немножко прошли – и вышли к такому задрипанно-

му панельному дому на Ковалиху. Умора, а не название, это просто ужас что такое. И матушка вдруг с этаким надрывом – а в ней, надо тебе сказать, умерла великая актерка, ее хлебом не корми – только дай чего-нибудь отмочить с надрывом! – говорит: «Вот в этом доме живет твоя родная сестра, и вы похожи с ней как две капли воды, но мои грехи разлучили вас еще в младенчестве, и вы не увидите с ней никогда, никогда!»

Всю эту тираду Соня произнесла с нелепыми ужимками и выкаченными глазами, бия себя в грудь и неестественно вибрируя голосом, однако Лида даже ахнула, до того ясно представила вдруг эту женщину, не виденную никогда в жизни: свою родную мать...

– Ну, я, естессно, говорю: «Что за чушь? Почему никогда? Какой номер квартиры? Пошли, навестим сестричку! Вот подарочек ей будет ко дню рождения!» Тут матушка чуть на колени передо мной не бахнулась и, рыдая очень натурально, сообщила, что дала страшную клятву «этим святым людям», которым она и так принесла очень много зла, и никогда, ни за что не позволит нам с тобой увидеться, чтобы не надирать твоей души. Прямо-таки мексиканский сериал, да? Наконец, сообщила, что Литвиновы каждый месяц слали очень немалую сумму откупного, чтобы она сама не вздумала надирать твою душу, на которую ей, сказать по правде, было плевать с высокой башни. Как и на мою, впрочем. То есть под всякой настройкой всегда лежит грубый экономи-

ческий базис, как нас и учили в школе.

– А потом?

– Ну что потом? – пожала плечами Соня. – Мне сразу захотелось с тобой видеться, как только я поняла, что в этом случае наши доходы сойдут на нет. Матушка-то ни дня нигде не работала, и мне стало ясно почему. Перестанут Литвиновы платить – придется мне вместо медтехникума идти работать, содержать и матушку, и ее хахалей, которых она как перчатки меняла. Вотчимов, как раньше говаривали, у меня столько сменилось – не счесть. Ей-богу, на улице встречу – не узнаю! А ты говорила, твой отец – ну, приемный отец – умер? Почему?

Лида понимала, что этого вопроса не избежать, но кто бы знал, до чего не хотелось об этом говорить!

– Отравился грибами.

– Что?! – Соня побледнела. – Как? Каким образом?!

– Ну как грибами травятся? – дрожащим голосом спросила Лида. – Очень обыкновенно! Он же был на пенсии и все лето, чуть не с апреля по октябрь, проводил в саду, там у нас был домишко такой хиловатый в садово-огородном кооперативе. Я эту дачу терпеть не могла! Отец сам себе готовил. А тут черт меня как раз принес – будто нарочно! Отец говорит: надоело на картошке да макаронах сидеть, схожу в лес – как раз грибы пошли. Ну, и набрал то ли ложных опят, то ли поганку зацепил вместе с сыроежками. Пожарь, говорит, мне. А я вообще в грибах ничегошеньки не понимаю, я их и не

ем никогда, гадость такая скользкая, ненавижу...

– Я тоже, – шепотом сказала Соня, и ее передернуло совершенно так, как передернуло Лиду.

– Ну, раз просит, поджарила. А мне надо было непременно к вечеру вернуться в город. Умчалась, а через три дня меня нашла полиция... Он надеялся, видимо, отлежаться, когда прихватило, никому из соседей ничего не говорил. А потом уже поздно было.

– Да, – протянула Соня. – Неслабо!

– Слушай, – с искусственным оживлением спросила Лида, – а ты вместе с матерью живешь или как?

– Или как. Ты разве не в курсе, что матушка наша общая тоже ушла к верхним людям?

Сказать, что голос Сони звучал при этом известии равнодушно, значило не сказать ничего.

– Да ты что? А как же?.. Но ведь я ехала, чтобы с ней повидаться после всех этих лет... – Лида ошеломленно качала головой.

– Повезло тебе, сестричка, что не застала ее. Матушка последние годы являла собой весьма печальную картину. Уж на что муженьку моему, Косте, все в жизни было глубоко пофигу, но и у него порою отказывали тормоза терпения.

– Ага! – оживилась Лида. – Значит, ты все-таки замужем!

– О-ой! – Соня обморочно закатила глаза. – У нас не разговор, а мартиролог какой-то получается, честное слово. Смеяться будешь, но только Костенька Аверьянов, супруж-

ник мой дорогой, тоже... того-этого...

– Какого? – свела брови Лида. – Какого – этого?

– Он умер ровно год назад, – с усилием оборвав истерический смешок, сухо, по-деловому, сказала Соня. – День в день. Отравился. Что характерно, грибами. Вот, любопытствуй.

Она не глядя сняла с полки и сунула Лиде пачку каких-то фотографий.

Кладбищенские жутковатые виды. Молодой человек в гробу – красивый даже мертвый, белокурый такой. Злое, затравленное Сонино лицо – на всех фотографиях она держится как-то в стороне от гроба. А это, надо полагать, поминки. Разнообразные женские лица над винегретами и блинами...

– Родня его, что ли? – тихо, сочувственно спросила Лида.

– Нет, сослуживицы. Котик мой трудился в охране местного художественного музея. Старые гримзы! Его они обожали, а меня терпеть не могут. Да меня чуть ли не весь городишко терпеть не может. Некоторые пытались повесить Котькину смерть на мою нежную шейку, но ничего у них не вышло. К их великому огорчению, у меня на тот день было железное алиби, пусть и не очень-то приличное. А, плевать!

Соня помолчала, опустив глаза, делая какие-то странные движения руками. Лида посмотрела – и вспомнила старинное выражение, которое прежде встречала только в романах: «ломать пальцы». Только теперь ей стало понятно, как это выглядит.

Вдруг Соня резко потеряла руки и вскинула на сестру глаза.

– А, плевать! – повторила с искусственным оживлением. –

Ближе к делу. Ты знаешь, сегодня, когда увидела тебя на площадке, поняла, что Бог – есть. Есть он! И откликнулся на мои молитвы. Ты фильм «Щит и меч» – ну, старый такой, знаменитый! – смотрела?

Лида хлопнула глазами:

– Сонь, я что-то не понимаю...

– Потом поймешь, – оборвала сестру Соня. – «Щит и меч», говорю, смотрела или нет?

– Это где молодой Любшин? Смотрела разок, – промялила Лида, совершенно ошарашенная.

– Может, помнишь: там песня в конце поется классная. Все знают «С чего начинается Родина?», а эту мало кто помнит. Между тем в ней четко выражена просьба, с которой я намерена к тебе обратиться, дорогая сестричка.

Соня негромко пропела, заглядывая в глаза Лиды:

Давай с тобою поменяемся судьбою,
Махнем не глядя,
Как на фронте говорят!

И усмехнулась, наблюдая, как вытягивается от изумления Лидино лицо:

– Да не навсегда, родная. Только на один вечерок.

Из дневника З.С., Харьков, 1920 год

...В очередной раз пытаюсь начать писать дневник, но сразу тоска берет. Сколько ужэ этих дневников я забросила, подозреваю, та же судьба постигнет и эту тетрадку, как только снова раздобуду краски, потому что дневник моей жизни, ее событий, любви к людям и тех впечатлений, которые они на меня производили, – это мои картины. Но сейчас нет красок, а достать пока негде. В Археологическом музее, в мастерской наглядных пособий которого я зарабатываю на жизнь рисованием черепков, найденных близ Харькова, довольно карандашей и небольших листков, на которых фантазию свою не выплеснешь, однако можно предаться с их помощью воспоминаниям и кое-что записать о нынешних житейских обстоятельствах. Вот я и хочу вспомнить сон, который видела минувшей ночью.

Снилось мне милое Нескучное, откуда мы этой зимой с таким трудом выехали (в мороз ужасный, долгим цугом: три подводы с дровами, четыре с нашими вещами, я, мама, дети в трех санях!) в Харьков, но снилось не зимнее и заброшенное, снегом замеченное и наполовину разоренное революционными мужиками, а то, каким оно было, когда мы с Борей однажды поняли, что влюблены и друг без друга не можем ни быть, ни жить. Он, впрочем, уверял, что влюбился в меня еще в ту минуту, когда ему, двухлетнему, показали меня – только что родившуюся его кузину. Может быть, и так: ведь вся наша жизнь прошла неразрывно,

мы буквально умирали от тоски, когда разлучались, и сама смерть его стала следствием его стремления как можно скорее вернуться ко мне... если бы он не сел в тот воинский эшелон, все могло быть иначе!

Нет, не могу то и дело возвращаться к его смерти, хочу описать тот день, когда мы – ему шестнадцать, мне четырнадцать – пошли вместе с семьями, его и моей, помогать убирать хлеб. Уже скосили рожь, при нас косили овес, и мы таскали снопы, помогая складывать крестцы. Позднее принялись за яровую пшеницу, но я уже в этом не участвовала, потому что занозила большой палец на левой руке, и Боря мне занозу попытался вытащить. Как-то так вышло, что на нас никто не обращал внимания, родители наши были заняты уборкой. Он давил, давил мой палец, и мне было так больно, что я плакала, да и он сам побледнел от жалости ко мне, наконец поднес мой палец ко рту и вытащил занозу зубами. Тут уж я не сдержала слез, выдернула палец, а он с таким несчастным видом говорит:

– Ты меня теперь не простишь и замуж за меня не выйдешь.

А я, всхлипывая, бормочу:

– Какие ты глупости говоришь, мы не можем пожениться, мы двоюродные!

– Ничего, – возражает Боря, – я добуду разрешение у архиерея!

– Эва хватил, – отвечаю я, – да ведь архиерей с тобой и говорить не станет! Ты же мальчишка!

– Во-первых, я не мальчишка, – заявляет он так надменно. – А во-вторых, я же не сейчас к архиерею поеду, я должен повзрослеть, поступить в университет, да и тебе подрасти не мешает. Мы еще не завтра жениться собираемся!

И только теперь я осознала, что мы совершенно серьезно обсуждаем какую-то невозможную, нереальную вещь – нашу свадьбу! И тут я опять зарыдала, причем не могу понять отчего: то ли оттого, что палец ужасно болит по-прежнему, то ли оттого, что еще не завтра жениться, а Борька такой скучный: про университет сказал, про архиерея тоже, а про любовь?! Он же должен сказать, что любит меня, а потом спросить: «А ты?» И я отвечаю: «И я!» И тогда можно целоваться... Но этого ничего нет!

Стою как дуручка, рыдаю и рыдаю.

– Зика, – восклицает он с несчастным видом, – ну почему ты все время плачешь? Я же занозу вытащил!

Вот дурак какой, не могу же я ему напомнить, что разговора о любви у нас не было! А он сам не догадывается, что ли?

Я разозлилась и говорю:

– Ты, наверное, не всю ее вытащил, кажется, она мне под ноготь залезла, и, может быть, я теперь умру от заражения крови!

И так мне стало жалко себя, представила я эту картину: я лежу в гробу, одетая во все белая, как невеста, а Борька рядом стоит, очень печальный, а в толпе гостей топчется Варюша Крашенинникова,

которая ему в прошлое Рождество глазки строила почему зря, а он внимания не обращал, и я понимаю, что она теперь уверена, что рано или поздно он все же на нее посмотрит и, может быть, даже на ней женится когда-нибудь.

Вот ужас!

И в эту самую минуту Борька вдруг схватил меня, прижал к себе и шепчет:

– Ты должна знать, Зика: если ты умрешь, я тоже умру.

Я бормочу ему в сорочку (до сих помню ее запах и цвет – она была синяя, кубовая¹, как его глаза!):

– Что, правда, умрешь?!

– Ну да, – отвечает он. – А ты?

– И я, – всхлипываю я.

И только теперь понимаю, что мы все-таки объяснились в любви!

А поцеловаться не успели: появилась мама, увидела, что я плачу, пришлось ей про палец сказать, она разохалась-разохалась...

Я потом всю ночь не спала, мама надо мной причитала, жалела, что палец болит, а я на самом деле думала: по правде Борька умер бы, если я бы умерла? А про себя знала, что я его так люблю, что обязательно умерла бы! У меня сердце не выдерживало этой любви, этого счастья...

И вот его нет. А я есть. Я живу. А что делать? У меня дети. У меня мама. Их всех надо кормить.

¹ Темно-синяя.

Клянусь свои папки, свое несчастное художество, так мало пригодное, чтобы сделать меня и мою семью счастливыми! Я работаю...

Но на самом деле я все-таки умерла, только об этом никто не знает.

* * *

Раньше Аня Литвинова весьма скептически относилась к рассказам о семьях, которые рушились из-за бездетности. Они с Димой женились по такой безумной любви, о которой не грех и роман написать, день свадьбы был для них счастливейшим днем жизни, в шлейфе которого полетели столь же счастливые дни, недели, месяцы, годы... Для них не существовало остального мира, его повседневных забот.

Подружки Анины, вышедшие замуж гораздо позже, уже вовсю трясли колясочками в скверах и палисадниках и хвастались необыкновенностью своих первенцев, потом вторых детишек, а Аня почему-то все никак не беременела. Не больно-то она и страдала, если честно, потому что Дима был для нее всем на свете: и мужем, и любовником, и отцом, и сыном, и даже задушевной подружкой – самой лучшей из всех! И ребеночек у них еще будет – когда придет время.

Однако время это почему-то никак не приходило, а годы – они шли, и однажды Анечка вдруг с изумлением обнаружила, что со дня их свадьбы миновало уже пять лет.

– Слушай, давай заведем ребенка, – сказал ей Дима той ночью, когда, вернувшись из ресторана, где отмечали свой первый юбилей, они упали в постель и радостно занялись любовью. – Тут у нас один парень в отделе сына родил – та-ко-ой экземпляр выдающийся. Что-то все же есть в этих делах, правда?

– Мужики всегда хотят сына, – целуя его в плечо, усмехнулась Аня. – А вдруг родится дочь?

– Давай заделаем дочь! – с тем же энтузиазмом воскликнул Дима. – Одна наша сотрудница – она сейчас в декрете – приносила показать свое произведение. Мариночкой зовут. Я прямо влюбился. Такой пушистик кудрявенький, ручки-ножки в перевязочках, щеки просто-таки на плечах лежат.

– Не поняла, в кого ты все же влюбился: в Мариночку или Мариночкину маму? – хихикнула Аня.

– Вот в кого! – припал к ней Дима, и ночь юбилейная началась, и минула, и все было необыкновенно прекрасно, однако где-то на окраине сознания поселилась озабоченность: Дима начал думать о детях, обращать на них внимание, выходит, ему чего-то не хватает для полного счастья, ему уже мало одной Ани?

С этих пор они неосознанно, а может, и сознательно не просто любили друг друга, но «заводили ребенка», однако никто по-прежнему не заводился.

Что за чертовщина? Неужто у кого-то из них не все в по-

рядке с этим делом?..

Прошел еще один год. И вот однажды Дима, последнее время бывший заметно озабоченным (он отговаривался тем, что шел конец квартала и года, а их отдел клинически задерживал отчеты) пришел домой с охапкой белых гвоздик (в те годы в городе Хабаровске гвоздики зимой были сущей фантастикой!) и, вручая их жене, сообщил, что у него замечательная новость: он сдавал анализы и сегодня получил их результат. Отличный результат!

– Какие еще анализы? – испуганно спросила Аня: Дима замучился с застарелым бронхитом, неужели он думал, что это туберкулез?!

– Да насчет бездетности, – легким голосом сказал муж. – Вроде бы у меня все в порядке с этим делом. А то я здорово комплексовал, если честно!

Аня чуть в обморок не упала. Если у них нет детей, а супруг вполне здоров, то чья вина в таком случае?

Она испуганно взглянула на Диму, но глаза его были такими любящими, руки такими ласковыми, что от сердца отлегло: он ни в чем не винит свою Анечку, он по-прежнему уверен, что им пока не повезло, но повезет вскорости, а к врачу ходил только потому, что он такой совестливый и предупредительный. Не зря грубоватая Анина тетка сказала, едва познакомившись с Димой: «Ну, Анька, этого теленка ты всю жизнь будешь на веревочке водить!»

Так оно и было, если честно, однако сейчас Аня вдруг

ощутила, что веревочка-то может и оборваться...

Разумеется, они немедля рухнули в постель и отметили положительный результат Диминых анализов самым привычным и самым излюбленным способом.

– Ну я не знаю, – задыхаясь, проворчал Дима, когда смог наконец издать хоть один членораздельный звук. – Если уж от этого ребенок не заведется, тогда я не знаю, чего ему вообще надо!

Аня засмеялась, но оборвала смех, чтобы Дима не уловил отчетливой истерической нотки, прозвучавшей в ее голосе. Рано утром она вместо педтехникума, в котором преподавала русский язык, пошла в женскую консультацию.

Спустя час, на ватных ногах выбравшись из кабинета врача, она по стеночке дошла до гардеробной и долго, неуклюже стаскивала бахилы, а потом так же долго надевала пальто. Санитарка, пившая в гардеробной чаек и с жадным любопытством наблюдавшая за ее неверными движениями, наконец не выдержала.

– Что, залетела, подруга? – спросила она с фальшивым сочувствием. – И большой срок?

– А муж в командировке был, что ли? – присоединилась гардеробщица, опытным глазом меряя Анину талию. – Неужели не берут на аборт? Пижмы надо попить, может, поможет?

– Пижмы? – тупо повторила Аня, с трудом шевеля губа-

ми. – Ладно, попою...

И так же, по стеночке, вышла из консультации.

Ледяной ветер ударил по лицу и привел Аню в себя. Она даже смогла улыбнуться, наконец-то постигнув смысл добродетели санитарок: те ведь сочли ее обычной неосторожной бабенкой, которая забеременела от любовника, а «пришить» это дело мужу нет никаких шансов. А между тем дело обстояло с точностью до наоборот! «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!» – кто это сказал с таким глубоким, таким трагическим знанием дела?..

Дима ее наверняка бросит, когда все выяснится. Бедняга, сколько он натерпелся позора и беспокойства с этими анализами, а все зря. Он изначально был ни при чем. Но вот интересно: женился бы он на Ане, если бы знал, что она бездетна?

Бездетна уже десять лет. После тех сентябрьских ночей...

* * *

– Эта тварь давно должна умереть, – тихо, без выражения, сказал Валера. – Удивительно, что ее до сих пор земля носит.

– Ну, милый, – хмыкнул Пирог. – Она, многотерпеливица, и не таких носит. Сонька – это еще детский лепет.

Струмилину вскинул брови. По уверениям Валеры, в тех фотографиях, которые якобы стали причиной самоубийства Кости Аверьянова, детского было столько же, сколько чаю «Липтон» – в ядерной боеголовке...

Валера не сомневался, что известие о тайных забавах Со-ни Аверьяновой оказалось просто-напросто последней каплей в чаше терпения ее мужа. Однако Струмилин, которому, по долгу, так сказать, службы, частенько приходилось иметь дело со всеми и всяческими суицидами, насчет самоубийства очень сомневался. Отравиться грибами нарочно – это, мягко говоря, хлопотно. Хлопотно, мучительно, неэстетично и не шибко быстро. Правда, наверняка. И поди докажи, сам человек наелся поганок или ему кто-то их в жареху под-сунул. Эти бытовые отправления всегда могут толковаться двояко.

Вот, к примеру, чемеричная вода.

Всякий врач «Скорой помощи» сталкивается с отравле-нием «чемеричной водой» достаточно часто. Ведь, согласно народной медицине, чемеричная вода, в состав коей входит растительный яд рератрин, – для многих отчаявшихся жен-щин последнее средство внушить мужу отвращение к водке. И помогает, знаете ли! Пусть на время, но помогает! Другое дело, что относительно дозировки народная медицина ниче-го конкретного не говорит. И порою умирают мужики стара-ниями заботливых супругов. А сколько таких мужиков помер-ло, грибочков покушавши! Особенно – закусивши ими. Вот и Константин...

– Кот пил, что ли? – спросил он угрюмо, и Валера кивнул:

– Да разве с *такой* жизни не запьешь?!

Жену Константина чуть не заподозрили в попытке убий-

ства. Но у нее оказалось такое алиби, что не подкопаешься. Слухи, конечно, продолжали ходить всякие, однако, увы, Соню даже не задерживали: допросили раз – и все. Вообще официальный вердикт был – смерть от случайного отравления, тем паче, в конце лета – осенью масса народу травится грибами и всякой лесной зелью. И если бы не эти фотографии, о которых Валерка все уши прожужжал...

Струмилин пожал плечами. Хоть убей, он не понимал, как можно кончать с собой из-за гулящей бабы. Вообще на самоубийство из-за сердечных дел гораздо чаще идут женщины, чем мужчины. Разве что Костя уже свое отжил и знал это, и вот судьба дала ему шанс уйти под благовидным предлогом...

Возможно, и так. Струмилин слишком много видел смертей, чтобы не верить совершенно твердо в одно страшноватое старинное изречение: ловит волк роковую овцу. Да, работа давно сделала его фаталистом!

Вопрос вот в чем: кто сыграл для Кости роль этой судьбы? Кто сделал его «роковой овцой»? Кто подsunул фотки, стоившие ему жизни?

Или все это тоже произошло случайно?

* * *

Лида выскочила из автобуса и суматошно огляделась. Часы на здании вокзала показывали три.

Осталось десять минут! Она опоздает, точно опоздает! Еще же надо найти этот дурацкий поезд!

– Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер сто тридцать восьмой сообщением Северо-Луцк – Адлер через десять минут будет отправляться с первой платформы. Выход на платформу через зал ожидания, а также через левое и правое крыло вокзала. Нумерация вагонов начинается с головы поезда. Повторяю...

Повторения не требовалось: Лида уже ударилась всем телом в стеклянную дверь, ворвалась в вокзал и, лавируя между множеством народу, обремененного массой вещей, понеслась к выходу на платформу. Красное платье из легкого шелкового трикотажа, вернее, сарафан на тоненьких бретельках вился в ногах, высоченные каблуки красных босоножек то и дело грозили подломиться.

«Как Сонька с ними справляется?» – в десятый по меньшей мере раз за последние полчаса подумала Лида, которая предпочитала устойчивый плотный каблук, а на шпильку взбиралась, когда уж совсем деваться было некуда.

Наконец она выскочила на платформу и огляделась, нервно отводя волосы со лба. И тут же ее прошибло холодным потом: да ведь новехонькая, полчаса назад выстриженная челка сейчас встанет дыбом! Соня еле-еле заставила волосы сестры, привыкшие быть строго зачесанными назад, лежать на лбу. И примачивала их, и лаком брызгала, и гелем смазывала – никакого толку. Каким-то чудом удалось уложить непо-

слушные пряди, до жестяной жесткости засушив их феном, а Лида по дурости, одним движением руки, уничтожила Сонин тяжкий труд. Какие это последствия может иметь – даже думать не хочется!

– Соня! – послышался в это мгновение возмущенный мужской голос, и чьи-то руки вцепились в Лидины плечи, потряхнув так, что она чуть не сверзилась со своих каблучищ.

Он, Евгений! Все приметы сходятся: не очень высокий, но широкоплечий, волосы черные, глаза черные, не то полукавказец, не то полумолдаванин, а может, и то и другое. Вид немножко расхристанный, не очень-то похож на ревизора из Управления железной дороги, скорее, типичный бабник – даже легкая щетина на щеках придает ему «невероятно сексуальный вид», как и предупредила Соня...

Красивое лицо придвинулось, мужские губы накрыли Лидин рот, толстый язык прижался к языку, а небритый подбородок сильно уколол ее, а к бедрам прижалась мощная выпуклость. Знакомое отвращение тошнотой пошло к горлу, но Лида постаралась взять себя в руки и елико возможно мобилизоваться. Она обещала Соне все стерпеть!

Когда пылкий поцелуй наконец прервался, захотелось отвернуться и сплюнуть, однако Лида стиснула зубы и заставила себя не только сдержаться, но и сохранить на лице маску растерянности и как бы даже удовольствия. По счастью, Евгений на нее не смотрел, а продолжал прижиматься всеми своими выпуклостями.

– Чертовка! – Мужчина защекотал своим дыханием ее шею. – Мой Анри Четвертый изнылся, исстрадался весь, с его-то темпераментом!

Конечно, Лиде приходилось слышать, что некоторые мужчины обожают давать определенной части своего тела всякие залихватские имена, но выбор Евгения заставил ее просто-таки остолбенеть. Впрочем, в этом что-то есть: назвать неприличное местечко именем знаменитого короля-потаскуна. Пожалуй, этот Евгений не такой уж пинжак, каким прездительно характеризовала его Соня!

– Я там все приготовил, в купе, а ты шляешься сколько времени, – продолжал между тем обиженно причитать Евгений. – Теперь уж не успеем. – И он начал возбужденно жевать Лидино ухо.

Она стояла столбом, только сейчас поняв, что означала вскользь брошенная фраза сестры: «Если он начнет тащить тебя в купе, ты уж посиди с ним немножко, ничего страшного».

В смысле, этот Евгений предпочитает заниматься сексом сидя?!

– Извини... – Предательское «те» удалось поймать на самом кончике языка. – Извини, бога ради! Меня просто-таки затрахали сегодня клиентки.

– Какая ты, Соня, все же неласковая со мной, – обиженно выдохнул Евгений. – Я к тебе всей душой и всем телом, а ты там над какими-то бабами за гроши трясешься – нет, чтобы

мужчину успокоить, причем за гораздо более значительную сумму. Думаешь, выдержи две недели в одиночестве? Изменяю тебе, клянусь – изменю!

Выражался новый знакомец до того забавно и своеобразно, что Лида с трудом сдержала смешок. К счастью, инструкции сестры прочно отпечатались в памяти, поэтому она смогла пробормотать:

– Да уж небось от желающих отбою не будет! Но ты, главное, от Наденьки держись подальше, не то я тебе такое устрою – пойдут клочки по закоулочкам!

Эти «клочки по закоулочкам» были одной из непостижимо прилипших к обеим сестрам фразочек. Лида тоже именно так страшила – когда приходилось устрашать кого-нибудь.

Как Соня и предсказывала, упоминание о Наденьке привело Евгения в отличное настроение! Он еще раз чмокнул Лиду в ухо, отчего у нее в голове воцарился звон, и наконец-то отлип от нее.

– А ты у меня ревнивица, – сказал сладким голосом. – Ничего, вернусь – докажу, что ты по-прежнему царица моего сердца. А пока пошли, заберешь Анри Четвертого.

У Лиды, которая уже шагнула за ним, заплелись ноги от изумления. На воображение ей жаловаться никогда не приходилось, вот и сейчас картина, возникшая перед мысленным взором, оказалась на диво отчетливой.

Интересное кино! Сестра сказала: «Заберешь у него ключи и еще кой-чего».

Это чего же?!

Евгений схватил ее за руку и потащил по перрону к вагону-ресторану, с подножки которого встревоженно свешивалась спелая деваха в тугой до треска юбке и крошечном белом передничке.

«Может, это и есть Наденька?» – подумала Лида. Правда, горячее чувство, светившееся в глазах девахи, не имело отношения ни к любви, ни к страсти.

– Евгений Ионович! – взвизгнула она раздраженно. – Заберите наконец вашего чертового Анри, он все сиденья в служебном купе изгрыз!

Евгений, как выяснилось, Ионович, помахал девахе ручкой и надал ходу. Лида, до которой начала доходить страшная правда, пыталась притормозить, но путалась в каблуках, а громкий голос из репродуктора, объявлявший отправление «скорого поезда номер 138 сообщением Северо-Луцк – Адлер», заглушал ее недоуменный лепет.

Наконец Евгений выпустил Лидину руку, вскочил на подножку какого-то вагона, отпихнул барышню с желтым флажком и скрылся внутри. Лида попыталась утвердиться на своих подпорках, переводя дыхание и раздумывая, не сбежать ли, пока не поздно, однако Евгений вновь появился и спрыгнул на перрон, держа в охапке... громадного черного пса.

– Погуляй с ним вечерком, не ленись. И завтра встань пораньше, – прокричал новый Лидин знакомец, пытаясь перебить объявление об отправке 138-го поезда и напористо

впихивая ей в руки тяжелое гладкошерстное тело. – Он любит, когда его называют Анрио. Анрио, будь хорошим мальчиком, слушайся Сою. А ты, Соня, будь хорошей девочкой – и дядя Женя тебя не обидит!

Он хихикнул, грубо лапнул Лиду за неприличное место, так что она по-дурачки взвизгнула, потрепал Анри по мясистому загривку и вlepил им обоим по поцелую, – к счастью, начав с Лиды. Пес облизал лицо хозяина, а более ничем своего темперамента не выразил – висел да и висел на руках у Лиды. В это мгновение из репродукторов грянул знаменитый марш «Прощание славянки», и Евгений, крепко захлестнув Лидину руку тонким ременным поводком, вскочил на подножку вагона-ресторана. Вскочил он очень забавно – спиной вперед, словно при перемотке пленки в видеомагнитофоне пустили обратное изображение.

Лида непременно засмеялась бы, если бы нашла силы. Но пока сил у нее ни на что не было, кроме как машинально стискивать в объятиях черного, лоснящегося Анри и растерянно пялиться вслед вагону-ресторану, уносящемуся напрямиком в Адлер. Евгений почему-то задержался на подножке, что-то неразборчивое кричал и махал руками.

Может быть, прощался со своим псом?

В это мгновение руки у нее разжались и тяжеленный Анрио шлепнулся на перрон, возмущенно взвизгнув.

Утвердившись на лапах, коротковатых для его мощного тела, повернул большую голову с тупым лбом и внимательно

уоставился на Лиду. Над его глазами были два желтых пятнышка. Морда курносая, брыластая, вроде бы сонно-добродушная, однако в складках губ вдруг просверкнули внушительные зубищи. Бульдог, что ли? Нет, кажется, эта порода называется ротвейлер. Или как-то в этом роде.

Анрио смотрел на Лиду, а Лида смотрела на него. Взаимное созерцание затягивалось. Почудилось ей или в глазах с желтыми пятнышками и впрямь вспыхнуло недоумение?

– Чего уставился? – нервно спросила она, перехватывая поводок и норовя повернуть пса так, чтобы не пялился на нее больше. Может, если не будет смотреть – не догадается о подмене? Она забыла, что зрение не относится к числу определяющих собачьих чувств.

Глаза-то отвести Анрио отвел, но потянулся к подолу красного сарафана и принялся его сосредоточенно нюхать. Сарафан, конечно, пахнул знакомо – Соней, и тяжелые складки, собравшиеся на загривке Анрио, разошлись. Но тут же угрожающе собрались снова, когда влажный нос пополз по голым Лидиным ногам.

Вот сейчас учует незнакомый запах, вот сейчас обидится, что его подсунули абы кому, и выразит свой протест самым доступным для всякой собаки – а особенно такой страшной! – образом... И Лиде до того стало жаль своих точеных, загорелых, стройных ножек – «самых красивых в Северо-Луцке и районе!» – что она принялась обеими руками и коленками отпихивать от себя пса, истерически вскрикивая:

– Пошел вон, дурак! Пошел вон!

Анрио оказался на диво послушен. Мигом убрал свой мокрый нос от Лидиных ног, повернулся и затрусил по перрону, свесив тяжелую голову меж плеч и вихляя задом. Двигался он по направлению уходящего поезда, как если бы намеревался догнать хозяина. Лида с тупым облегчением смотрела ему вслед, потом ощутила, что руке ее как-то подозрительно легко и свободно. Да ведь с нее соскользнул обмотанный Евгением ремешок, осталось только колечко с каким-то плоским дырчатым брелоком!

Первым побуждением было предоставить Анрио обретенную им свободу передвижения, развернуться – и убраться прочь с вокзала. Но Лида замешкалась.

Черт!.. Наверное, Сонькина жизнь здорово осложнится, если пропадет пес ее любовника. Недаром она так умоляла Лиду проводить Евгения, взять у него ключи и...

Боже! А где ключи?! Теперь понятно, почему Евгений так долго трепыхался на подножке уходящего поезда! Вспомнил, что забыл передать ключи, кричал, наверное, Лиде, чтобы она подбежала, поймала их, а она стояла, как мать-одиночка, прижимая к себе Анрио.

Итак, ключей нет, теперь и пес сбежит. А ведь они с Соней договорились встретиться вечером на квартире этого самого Евгения, которую Соне предстояло охранять по причине вышедшей из строя сигнализации и заодно пасти Анрио – по причине ссоры с соседкой, которая обычно занималась этим

в отсутствие Евгения. Адрес сестра успела сообщить, но как туда теперь попасть, в эту квартиру?!

Лида ужасно захотелось плюнуть на все и немедленно уехать домой, сделав вид, что нынешнего дурацкого дня вообще не было в ее жизни. Но сумочка с паспортом, но костюмчик, который остался в квартире Сони, но сама Соня, которую она так жутко подведет! И вообще...

Лида уныло усмехнулась. Быстро же она запуталась в родственных чувствах. Не успела обрести сестру, а чувство долга по отношению к ней уже тут как тут. А Соня, конечно, хорошая свинья: отправила Лиду на такое дело, не объяснив толком, что ее ждет. С другой стороны, объяснила бы – Лида ни за что не пошла бы. Значит, у Сони сорвалось бы ее смертельно важное дело, как она выразилась.

Весело! Лида даже не спросила, что за дело: тупо приняла все Сонины условия, позволила выстричь себе челку (сбылась мечта идиотки!) и помчалась на вокзал. И вот вам результат...

Однако что же она стоит столбом? Хотя бы собаку поймать! А потом подумать, что делать дальше.

И Лида ринулась вперед на полусогнутых, пытаясь не только настигнуть Анрио, но и подобрать с асфальта ремешок. Не удавалось ни одно ни другое, хотя вроде бы только руку протяни... То есть ногу. Лида то и дело совершала выпад правой ногой, пытаясь наступить на ремешок, прижать его, однако он в последнюю секунду выскальзывал. А какой

нелюдимый в Северо-Луцке народ оказался, бесчеловечный, можно сказать! На жалобный призыв Лиды: «Держите собаку!» – никто не реагировал, наоборот, перед Анрио образовался довольно широкий коридор, куда тот и устремился, с каждой секундой увеличивая темп.

Они уже обогнули здание вокзала и вырвались на площадь, к стоянке такси.

Послышался резкий сигнал, взвизгнули тормоза – пес испуганно метнулся в сторону и затерялся среди множества крошечных магазинчиков, облепивших ее по периметру.

– Анрио! – завопила Лида, простирая руки, но зов ее остался безответен, только какая-то тетка с мешком семечек покосилась на нее дикими глазами. А нарушенное было движение на площади мгновенно восстановилось.

Лида закрыла глаза и обреченно покачала головой.

– Да вы не горюйте, девушка, – сказал над самым ее ухом приятный мужской голос. – Такой пес не пропадет! У меня у самого ротвейлер – ого, сколько раз вырывался и убегал! И всегда возвращался. И ваш вернется. Вы лучше поскорее поезжайте домой, чтобы собачка не скучала, когда прибежит. Нет, автобусы в это время ходят просто отвратительно! Давайте я вас подвезу, у меня тут машина.

Первой мыслью Лиды было, что она все же ошиблась насчет жителей Северо-Луцка и района: среди них попадаются на диво отзывчивые личности! Потом она осознала, что данная личность – невысокая, узколицая, с серыми волосами и

в сером же мятом костюмчике – уже успела подхватить ее под локоток и как-то очень напористо влечет к темно-зеленой «Тойоте», притулившейся у обочины.

Все понятно! На вокзале Северо-Луцка, определенно не самом оживленном вокзале мира, спрос на средства передвижения отстает от предложения. И напористый «чайник» влечет добычу к своей «японке», пока таксисты не расчухали и не перебежали дорогу.

– Да нет, спасибо, – сказала Лида, пытаясь высвободить руку. – Мне тут буквально два шага, я и пешком дойду.

– Как это? – бормотал серый «чайник», уже хватаясь за ручку зеленой дверцы. – Уж решили, так поедем.

– Ничего я не решила! – рванулась Лида. – У меня и денег-то нет! Я кошелек потеряла!

В это мгновение дверца распахнулась, и «чайник» с такой силой втолкнул туда девушку, что она плашмя простерлась на заднем сиденье. Завозилась, пытаясь приподняться, но чья-то рука вдавила ее в пахнувший пылью и бензином коричневый флок.

– Ножки задери, – посоветовал добродушный голос, почему-то показавшийся знакомым. – Прищемим дверью – ой-ой, какая вава будет! Жалко такие подставочки калечить, правда, Золотая Ножка?

В это мгновение чья-то рука грубо согнула ей ноги, слышался хлопок закрывшейся двери. Через секунду мотор взревел, «Тойота» тронулась.

Рука, вдавившая Лиду в сиденье, ослабила нажим, и девушка смогла повернуть голову.

Серый «чайник» оказался на месте водителя и сосредоточенно вертел баранку, а рядом с ним, перегнувшись с переднего сиденья, Лиде широко улыбался тот самый рыжий и губастый ценитель женских ног, который сегодня утром приветствовал ее проезд в Северо-Луцк.

– Ключ, – проговорил он, поворачивая руку ладонью вверх. – Ключ от квартиры, где деньги лежат, ну?

Лида тупо смотрела ему в лицо, с которого не сходила приятнейшая, чуточку щербатая улыбка.

Почему-то сразу вспомнился ключ от ее собственной нижегородской квартиры, оставшийся в сумке. Что за чушь?! Там нету никаких денег!

– Сонька, не томи, – прищурился губастый. – Гони ключи.

И тут до Лиды дошло! Этим двум нужны ключи от квартиры Евгения!

Те самые ключи, которые Лида забыла забрать!

– У меня нет никаких ключей, – забормотала она, с отращением улавливая в своем голосе испуганные, заискивающие нотки. – И вообще, вы думаете, я...

– Не узнаю тебя, мать, – осуждающе сказал губастый, больно выворачивая ей руку. – Раньше ты врала покруше. Нету ключей, нету – а это что, по-твоему?!

И он снял с Лидиногo полусогнутого пальца витое колечко с плоским дырчатым брелком, которое недавно украшало

поводок пса. Лида начисто забыла о нем и сжимала в кулаке чисто машинально.

Так это и есть ключ от квартиры Евгения?! Значит, она все же взяла его? Ничего себе – ключ! Таких и ключей-то не бывает.

Нет, выходит, бывает. И слава богу. Получив свое, рыжий и серый должны отпустить ее.

Лида попыталась сесть. Удалось это с некоторым трудом.
– Ну, ключ у вас теперь есть, – сказала угрюмо. – Адрес, надо думать, вы знаете. Остановите машину!

Честно сказать, она не ожидала, что серый послушается столь беспрекословно. «Тойота» вильнула к тротуару и замерла.

Лида зашарила по дверце, но та была практически плоская, с какими-то жалкими культиками на тех местах, где раньше были обе ручки. Нечем даже окно опустить!

– Соня, да не дергайся, – укоризненно сказал губастый. – Открыть могу только я. Подожди, сейчас выйду, осмотрю местность. Если все тихо – пойдем. Я совсем не хочу, чтобы нас кто-то заметил вместе.

Лида растерянно поглядела в окно. «Тойота» стояла у кирпичной девятиэтажки с приметным козырьком на крыше. Сзади красовался пустырь – очевидно, самая окраина города. Да ведь это дом Евгения, каким его описывала Соня! Точно – вон и аршинный номер сорок девять на стене. Улица Караульная, сорок девять. А квартира четырнадцать. На

четвертом этаже.

– Я не пойду, – пробормотала Лида, чувствуя, как снова накатывает паника. – Дальше вы уж сами. Отпустите меня!

– Не ори, дурища, – почти ласково сказал губастый, и вместо его зеленоватых гляделок на Лиду уставился черный глазок пистолета. – Не пойду, не пойду! А кто, кроме тебя, покажет нам, где у твоего любовничка тайничок?

* * *

В Шереметьеве после паспортного контроля Джейсон сразу прошел через «зеленый коридор». Таможенник даже не взглянул на его плоский чемодан из дорогой кожи. Эх, если бы на обратном пути удалось попасть к такому же полусонному, доверчивому молодому человеку! Но это вряд ли удастся. Уж конечно, непременно именно на том рейсе, на который взял обратный билет Джейсон, будут искать какого-нибудь террориста или носителя опасной инфекции. И аэропорт окажется наводнен полицией, собаками, поисковыми устройствами и всякой такой гадостью.

Именно так случилось в прошлом году в Амстердаме, откуда Джейсон транспортировал очередной экспонат своей коллекции. Это был его первый опыт в нелегальном вывозе предметов искусства из-за границы, а проще сказать – в контрабанде. Что и говорить, натерпелся он в тот вечер – особенно когда изящный каштаново-коричневый доберман зас-

новал между людьми, стоящими в очереди на регистрацию. Только многолетняя привычка блефовать в покере помогла Джейсону стоять со скучающим выражением, в то время как в голове толклись бредовые мысли: «А вдруг пес натаскан не только на наркотики, но и на запах масляной краски? Ведь Амстердам – столица мировых художественных ценностей и похитителей оных?»

В это мгновение пес поглядел на Джейсона узкими, проницательными глазами, громко вздохнул – и оставил его чемодан в покое.

Джейсон перевел дух не менее шумно – но тут же его начал точить червь нового беспокойства. А вдруг при просвечивании багажа обнаружится особое уплотнение под обшивкой чемодана?.. Прощай, честное имя, прощай, свобода. Впереди арест, суд, тюрьма и позор. Джейсон поставил на карту все, абсолютно все ради сомнительной радости обладания некоей редкостью, которой он даже похвастаться никому не сможет! Подобно «Скупому рыцарю» (Джейсон любил Пушкина), он будет перебирать «в сундуке», точнее, в небольшой тайной галерее свои запретные сокровища... Но это если повезет и никто ничего не обнаружит!

Повезло...

Потом, в самолете, когда двойная порция джина помогла немножко расслабиться, Джейсон уже с чувством некоторого стыда вспоминал о своем испуге. Если он сможет раздобыть очередной экземпляр для своего собрания легальным

путем, скажем, на аукционе «Сотбис» или выкупив у другого такого же одержимого любителя, – это будет прекрасно. Всегда приятно, а главное, безопасно ощущать себя законопослушным гражданином. Но если вдруг ему предложат стоящую контрабанду... что поделаешь, Джейсон спрячет свою законопослушность в карман.

Принимаясь за вторую порцию двойного джина, он хмыкнул, донельзя довольный собой. Приятно было ощущать себя авантюристом, таким пиратом и флибустьером! И не менее приятно сознавать, что не ошибся в выборе партнера. Этот парень обещал Джейсону регулярно пополнять его коллекцию – в основном за счет русской провинции, где еще сохранились истинные перлы.

Джейсон с великолепным простодушием отогнал от себя мысль о том, что его новый знакомый имел в виду прежде всего музеи этой самой русской провинции. Его бывшие соотечественники совершенно не умеют беречь свои сокровища. А ведь сказано – не вводи в искушение малых сил, в смысле воров. Кроме того, большевистская Россия в свое время немало поживилась состоянием Поляковых, вынужденных покинуть родину, так что пришло время возмещения ущерба. Как говорили те же большевики, начинается экспроприация экспроприаторов!

А что касается законов о контрабанде... Джейсон вспомнил свои бредовые страхи: арест, тюрьма, суд. Как изрек великий Пушкин, «ты сам – свой высший суд».

Вот именно: «Ты сам свой высший суд. Всех выше оценить сумеешь ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен? Так пускай...» И так далее!

Джейсон доволен, необычайно доволен собой, хотя был вовсе не художником, а всего лишь ценителем искусства. Зато очень лихим ценителем. А Пушкин – лихой поэт! Джейсон обожал Пушкина. Некрасова, Достоевского и прочих Чеховых терпеть не мог, а вот Пушкина и Тургенева ставил необычайно высоко и читал только в подлиннике – что стихи, что великолепные тургеневские романы.

Тогда он и заподозрить не мог, что его страсть к романам великого русского писателя нанесет ему самую чувствительную сердечную рану в жизни.

* * *

– Мама дорогая! – изумленно сказал Валера и замер, сунув руку под мышку, словно намеревался почесаться – да и забыл об этом. – Снится мне, что ли?..

Что характерно, и у Пирога-Петюни глаза сделались такие же вытаращенные, а рот смешно приоткрылся. Струмилин обернулся, чувствуя, как неприятно заглодел затылок: хуже нет, когда кто-то смотрит тебе в спину, а ты не знаешь кто.

Они, все трое, сидели на узенькой лавочке-жердочке за покосившимся деревянным столиком, установленным в

оградке Костиной могилки. Струмилин, резко повернувшись, едва не слетел с этой жердочки и встал.

И сразу увидел ее. Она шла, лавируя меж близко смыкавшихся оград, иногда поворачиваясь боком и еле протискиваясь, изгибаясь при этом всем телом. Ветер, солнечный августовский ветер, не утихавший весь день, налетал сильными порывами ей навстречу, так что тонкое серое одеяние обнимало тело. Просторный шелковый жакет вился за спиной, словно черные крылья. И бледно-золотая пряжа волос летела по ветру.

Девушка приостановилась, вскинула руки и раздраженно поймала волосы. Мгновенным движением закрутила их в жгут и чем-то там закрепила. Все это время она стояла полубоком к Струмилину, и тот смотрел на ее высоко поднявшуюся грудь и ткань, облившую бедра.

«Ого!» – захотелось ему сказать. Ничего больше сказать он бы просто не смог...

Девушка опустила руки, сделала еще шаг – и кажется, только теперь заметила трех мужчин, расположившихся в могильной оградке. Приостановилась, вгляделась (Струмилину показалось, что она смотрит только на него) – и решительно двинулась вперед и через несколько шагов оказалась у калитки. Лицо недоброе, замкнутое, серые глаза презрительно скользнули по бутылкам и пластмассовым стаканам, по кольцу небрежно накропанной копченой колбасы, ломтям ноздреватого белого хлеба и розовым сахарным поми-

дорам – немудрящей закуске.

– Ладно, посидели – и хватит. – Голос ее звучал недобро. – Собирайте свое барахлишко, да поскорее. Я подожду.

Она демонстративно отвернулась, так резко мотнув головой, что небрежно затянутый жгут волос развалился, и она вновь вскинула руки, начала сновать в светящихся прядях проворными пальцами, заплетая их в тугую недлинную косу.

Струмилин смотрел на аккуратное ухо с покосившейся се-режкой: камушек был зеленый, прозрачный, просвечивал на солнце, и ушко тоже словно бы просвечивало, такое оно было розовое и маленькое...

Валера сильно выдохнул сквозь зубы, и только теперь до Струмилины дошло, на кого он так загляделся.

– Сонька! – подтверждая догадку, зло прохрипел Валера. – Какого черта?..

Она обернулась:

– То есть?! Я что, не имею права прийти на могилу собственного мужа в годовщину его смерти? Это вас я должна спрашивать, какого черта вы устроили здесь весь этот бардак? Другого места не нашлось?

– Бардак? – Валеру они называли между собой Электровеником – он заводился даже не с полоборота, а всего лишь с четверти. – Конечно, тебе лучше знать, шлюха!

– Эй, эй... – предостерегающе сказал Струмилин, однако Валера так дернул худым плечом, что стало ясно: его уже не остановить: ведь именно ему Костя отправил те роковые фо-

тографии, и Веник с этих пор считал себя как бы душеприказчиком товарища.

Валера получил их фотографии по почте спустя несколько дней после похорон. Вернее, обнаружил в своем почтовом ящике, где они, наверное, пролежали уже несколько дней: поскольку никаких газет Валера давно не выписывал, то ящик практически не открывал и заглянул туда просто случайно.

Он сначала молчал о позоре друга, но потом сболтнул одному, другому, и вот уже поплыли, как круги по воде, темные слухи о том, что Костя просто-напросто не перенес многочисленных измен жены. Соня Аверьянова гуляла направо и налево! Даже когда Костя умирал, она валялась в постели с каким-то случайным знакомым, он-то и подтвердил ее алиби...

И все же не здесь, не сейчас надо ее обличать и побивать камнями. Не здесь и не сейчас!

Валерка-Электровеник не успел еще выплеснуть из своей пышущей негодованием груди весь запас гадостей, как Струмилин поднялся, загородил от него Соню и сказал – вполне спокойно и, надо надеяться, равнодушно:

– Добрый день. Извините, мы просто не ожидали столкнуться с вами здесь, иначе помянули бы Костю в другом месте. Это, конечно, бесцеремонно с нашей стороны, однако вы нас тоже поймите. Я по некоторым причинам не смог быть ни на похоронах, ни на других поминках, а мы ведь все дру-

зья детства.

«Господи, какие глаза! – мысленно вскричал он. – Надо же – ищешь, ищешь всю жизнь кого-то... Этакую вот красоту, и вдруг встречаешь – чтобы узнать: она свела в могилу твоего старинного друга».

– Это вы мне звонили? – вдруг спросила Соня, чуть нахмурившись и отводя с лица тонкие непослушные пряди, которыми, как хотел, забавлялся ветер. – Ну, говорите, что там у вас.

Струмилин вскинул брови:

– Не понял...

Соня уставилась на него. Ноздри ее раздулись, и стало ясно, что она с трудом сдерживает ярость.

– Ну да, – выдохнула низким, злым голосом. – Конечно! Дура я была, что поверила! Сказать, рассказать! Конечно! Их-то голоса, психа Валерки и этой дубины Пирога, я наизусть знаю, вот они и заставили тебя позвонить, да? Идиотка! Надо было сразу догадаться! Все дела забросила, примчалась, как последняя балда, а тут... Вы меня сюда нарочно заманили, чтобы... что? Что вам надо? Расправиться со мной решили? За честь друга отомстить?

Она резко оглянулась. Струмилин невольно повернул голову вслед и увидел темный силуэт, склонившийся над недалекой могилкой.

– Ага! – с торжеством воскликнула Соня. – Ничего у вас не выйдет, ребятки! Вы-то на что надеялись? Что здесь в это

время, да в будний день, благостная пустыня? А фигушки! Ходят, ходят люди к покойничкам, не все ж такие бесчувственные твари, как Сонька Аверьянова, которая к родному мужу на могилку год не заглядывала, а пришла только потому, что ей какой-то умный посулил... – У нее перехватило горло.

– Ах ты тва-арь, – каким-то незнакомым, размягченным, почти ласковым голосом вдруг пропел Валера, выплывая из-за спины Струмилина. – Ах ты проститутка! Кто тебе звонил? Что врешь? Небось сама свиданку очередному хахалю назначила – чтоб Котьку еще похлеще достать, даже мертвого? Ну, хватит с меня! Хватит! Жалел тебя в память о друге – а теперь всё! Всё! Давно пора сказать тебе, кто ты есть. Сказать – и показать!

Валера сунул руку за пазуху, выхватил что-то из внутреннего кармана легкой светлой куртки и швырнул на стол.

– Ты меня жалел?! – выкрикнула Соня. – Да от твоей жалости я скоро в петлю...

И тут она осеклась, вперившись взглядом в яркие картинки, веером разлетевшиеся по столу.

Это были фотографии. Одна спорхнула со стола в траву, к ногам Струмилина, и он поднял плотный глянцевитый прямоугольничек. Всмотрелся – и свободная рука сама по себе, автоматически, прижалась к сердцу.

Да... Если бы у него была жена и он увидел ее *вот такой*...

Первое, что бросалось в глаза, – голый, поджарый мужской живот. Живот был черный – как и ноги, согнутые в коленях. Черным все это было потому, что принадлежало негру могучего сложения, попавшему в кадр только до середины груди. На бедре у него был кривой, небрежный какой-то шрам, отчетливо видный на лоснящейся коже. Между колен негра лежала белая женщина и ласкала губами огромный негритянский орган. Волосы ее были откинuty назад и золотистой пряжей покрывали ковер попугайной красно-зеленой расцветки. И негр, и лицо женщины были сняты чуть не в фокусе – ну в самом деле, не позировали любовники, а трудились самозабвенно! – однако не могло остаться никакого сомнения: на снимке была Соня Аверьянова. Вот эта самая, стоявшая сейчас перед Струмилиным с выражением такого ужаса на лице, словно перед ней воистину разверзлись бездны преисподней.

У Сони в руках тоже была фотография. Она взглянула на Струмилину с беспомощным выражением и почему-то протянула ему этот снимок. А он машинально отдал ей свой. Так что она теперь могла полюбоваться собой в компании с негром, а он – лицезреть ее скачущей верхом на том же черномазом и на том же ковре. Присутствовал на снимке и третий – на сей раз белый мужчина: в мушкетерских ботфортах до колен, но без штанов. Видны были его волосатые ляжки и напряженное естество. Судя по позе, он пристраивался к

Сониному рту. В руке его была плетка, однако ни у кого и мысли не могло бы возникнуть, будто Соня здесь к чему-то принуждаема силой. Голова ее была самозабвенно закинута, груди стояли торчком, волосы струились по спине. Плетка определенно была всего лишь средством для получения лучшего удовольствия.

– Господи... – хрипло выдохнул Пирог, тоже вперившийся взглядом в какой-то снимок, и этот шепот разрушил странное оцепенение, овладевшее всеми.

Соня выронила фотографию и прижала руки к лицу. Потом странно, тоненько вскрикнула и пошла куда-то, не разбирая дороги. Мужчины смотрели, как она мечется внутри оградки, натываясь грудью на памятник, на прутья... Потом, споткнувшись, она упала на колени прямо на могильную плиту и, вскрикнув от боли, открыла лицо.

Прямо напротив ее глаз оказалось Костин портрет: черно-белый эмалевый овал. Русые, сильно поредевшие волосы, равнодушные глаза под набрякшими веками. «А я его таким не помню, – со странным раскаянием подумал Струмилин. – Сколько мы не виделись? Два года? Да, два года. Поэтому я и Соню не знал. Да уж, такую-то – век бы не знать!»

И тени не осталось от мгновенной вспышки восторга, охватившего его при первом взгляде на эту женщину. Струмилин не был ханжой, вот уж нет, никогда не был, он понимал, что в жизни всякое может случиться, от измены – как от сумы и от тюрьмы! – не стоит зарекаться, однако в тео-

рии все легко и просто, а видеть это белое тело, сплетенное с черным...

Струмилин перевел дыхание и почти безучастно смотрел, как Соня встала с плиты, всхлипывая, вывалилась в калитку, чудом не зацепившись за острия оградки своим развевающимся жакетиком, и побрела прочь, натыкаясь на все заборы. Она тащилась еле-еле, и чем дальше удалялась, тем больше становилась похожей на подбитую черно-серую птицу.

Наконец она свернула на тропинку, ведущую к большой дороге, и скрылась из глаз.

Сразу стало легче. Струмилин собрал с травы и со стола фотографии, стараясь складывать их картинками внутрь, чтобы ничего больше не увидеть, но то и дело бросались в глаза сплетенные, разноцветные руки и ноги, это лицо, эти волосы... Однако теперь он был спокоен, как лед. И голос его был ледяным, когда Струмилин произнес:

– Ты был совершенно прав, Валера. Эта баба просто недостойна жить.

* * *

– Выходим и не рыпаемся, – сладким голосом сказал Рыжий, подавая руку. Он стоял у открытой дверцы, а внутри машины каждое Лидино движение страховал пистолетом Серый. Она их так и называла про себя, этих разбойничков: по преобладанию оттенков. Надо же их было как-то обозна-

чить, в конце концов!

– Сонечка, ни звука! – Рыжий сделал резкое движение, и из длинного рукава джинсовой рубахи в ладонь скользнуло узкое, длинное лезвие ножа. – Если до смерти не убью, то порежу крепко, не посмотрю на твою красоту. У нас ведь сегодня – последний шанс, если ты в курсе дела.

– Нет, – честно призналась Лида, на деревянных ногах тащась рядом с Рыжим, накрепко вцепившимся в нее. – Я не в курсе никакого дела. Я не знаю ни о каком тайнике!

– Тихо! – наступая на пятки, зашипел сзади Серый, ткнув ее пистолетом в спину.

Словно неживая, словно во сне, Лида потащила под ручку с Рыжим к подъезду, надеясь, что попадется же навстречу им какой-нибудь сосед Евгения, которому это шествие покажется подозрительным, и он поднимет тревогу. Хотя, если Соня ни от кого не скрывает своих отношений с этим типом, почему ее явление в его доме должно у кого-то вызвать подозрения? Правда, она пришла не одна, а в компании двух мужиков, и произошло это непосредственно после отъезда любовника, – ну, опять-таки, и что?

Похоже, в сестрицы Лиде досталась порядочная оторва. Нет ничего странного, что ее муж покончил с собой. Лида даже удивилась бы, если бы этого не произошло!

Площадка первого этажа оказалась пуста. Никто не помещал Лидиным спутникам нажать на кнопку лифта (он открылся тотчас, словно тоже был в деле и терпеливо поджидал

грабителей), войти в него, предварительно втолкнув жертву, и отправиться на четвертый этаж.

Лиду тотчас задвинули в угол, Серый устроился у двери, а Рыжий стал рядом с девушкой, расставив руки, словно она могла внезапно выскользнуть на ходу из закрытого лифта – и убежать. А может быть, ему просто нравилось стоять так, наваливаясь на Лиду при каждом содрогании лифта. Глаза его скользили от ее испуганных глаз к декольте, и улыбочка была при этом такая, что у Лиды похолодела спина. Похоже было, он думал, что ей нравятся такие вот откровенные касания и похотливые взгляды, а она находила все это отвратительным! Эти мужские штучки, вернее, штучки безмозглых самцов, они рассчитаны только на таких же примитивных самок, какой, судя по всему, оказалась Соня! А Лида не находит никакого удовольствия в близости с мужчиной, даже если это – просто стояние рядом в тесном лифте. Она совсем не такая, как ее сестра!

И вдруг к ее оцепенелому сознанию пробилась спасительная мысль, от которой Лиде мгновенно стало лучше. Да ведь в том-то и дело, что она – не такая, как сестра! Она – вообще не своя сестра! Не Соня! Так какого же черта она молчит и тащится, словно овца на заклание?!

– Вы что, думаете... – начала было Лида, с трудом заставив повиноваться пересохшее горло, но закончить не удалось: лифт остановился, и Рыжий снова угрожающе махнул рукавом, как та Василиса Прекрасная на царской пирушке.

Никаких лебедей и озер из рукава, разумеется, не явилось – высунулся тот же нож, и Лида благоразумно решила оставить срывание всех и всяческих масок на потом.

Площадка четвертого этажа тоже пустовала, и никто не помешал Серому оглядеться, подойти к серой двери сейфового типа и вставить в прорезь ту металлическую пластиночку, которая была отнята у Лиды.

– Да вы что думаете, я кто? Я... – снова завела она.

Рыжий вроде бы и не размахивался, и лицо его при этом не выражало особенной ярости, и удар был не особенно сильный, однако в следующий миг Лиде почудилось, что все ее внутренности обожгло огнем. Она даже обеспамятела от боли на какую-то секунду, потом пронзила мысль: «Он ударил меня ножом! Он меня зарезал!»

Ноги подкосились, но Рыжий крепко подхватил ее под локоток и выволок из лифта. Тотчас ее втолкнули куда-то, где царили полумрак, прохлада и пахло псиной, и Лида почувствовала, что боль постепенно вытекает из нутра, а в голову возвращаются мысли. Она разжала обхватившие живот руки и с облегчением обнаружила, что они не окровавлены. Значит, ее просто ударили кулаком, а не ножом. Слезы навернулись от счастья, и она с новой силой принялась открывать глаза своим супостатам:

– Я не Соня! Вы ошибаетесь, я не Соня, а Лида!

Ее как бы и не слышали. Серый деловито нашарил на стенке выключатель и зажег свет, выставив на обозрение тесную

прихожую, и двинулся вперед, расшвыривая, будто футболист, назойливо лезшие под ноги грязные хозяйские башмаки.

– Тихо ты! – зашипел Рыжий, толкая футболиста Серого в спину. – Не шуми! Набегут еще соседи. И обувь сними, а то здесь потолки картонные. И ты, подруга, разувайся, коло-тишь своими копытами, как лошадь.

Лида умела понимать уроки жизни с полуслова: Рыжий только бровью повел угрожающе, а Сонькины красные босоножки уже слетели с Лидиных ног. Мгновение чисто физического облегчения от того, что она слезла наконец с этих подставок, но Рыжий тычками погнал ее в комнату – в отличие от прихожей, большую и просторную, но тоже захлам-ленную и омерзительно грязную. На отличной мебели – отнюдь не итальянский дорожный ширпотреб, а настоящий дубовый гарнитур начала века, русский модерн! – толстый слой пыли. Фарфоровые безделушки на комодке тоже пыльные, грязные. Между ними большой флакон мужского парфюма «Louis XIV». Такой Лида видела только в телерекламе, цена у вещи фантастическая. Да, похоже, Сонькин кавалер в жизни не бедствует и, хоть грязнуля редкостный, собрал у себя много не просто дорогих, редких, а совершенно уникальных вещей.

А картины-то, картины! Это не наивные копии или календарные вырезки, как в комнате Сони. Это подлинники – потемневшие от времени, чумазые, лишенные ласки реставра-

тора, но подлинники, пусть и неизвестных авторов. Сомов, что ли? Нет, какой-то эпигон. Жаль, что не Серебрякова...

Так, а это что за облупленная черно-красная доска с тускло-золотым пятном посередине? Господи... мерещится ей или это и в самом деле «Огненное восхождение пророка Илии» с шестнадцатью клеймами жития?² Ростовско-суздальское письмо, XIV век?! Нет, конечно, быть того не может, это позднейшая копия, но все равно – как максимум конец XVII века. Тоже не кот начихал: уж Лида как профессиональный реставратор знает цену таким иконам!

– Нагляделась? – Насмешливый голос Рыжего вернул ее с небес на землю. – Ну, ты артистка! Все хочешь нас убедить, будто ты не Сонька и сюда попала впервые? Ну да, еще начни рассказывать всякие сказки про близнецов. Я Соньку с пятого класса знаю, отроду у нее никакой сестры не было... А, ты хочешь сказать, что тебя украли цыгане? – ухмыльнулся он, уловив порывистое движение Лиды. – Брось, не тяни время.

– Вы идиоты, – откровенно сказала Лида, вдруг перестав бояться. Бог знает, что ее успокоило – может, признание Рыжего в том, что он знал Соню с пятого класса? Как-то не верилось, что одноклассник сестры может причинить ей вред. Она очень быстро забыла про тот удар в живот... – Какой еще тайник вам нужен? Эта квартира вся – тайник! Остров сокровищ! Знаете, сколько стоит вот эта икона? А статуэт-

² То есть сценами из биографии пророка.

ки? Да это же образцы первого русского порцелина³, который делался еще без каолина, как французский мягкий фарфор, севрский или мейсенский!

Серый, доселе жадно шнырявший глазами по комнате, воззрился на Рыжего вопросительно. Однако тот покачал головой:

– Угомонись. Охота была со стекляшками возиться! И вообще, откуда я знаю, может, это все вовсе не куплено на трудовые Женюрины копейки, а в самом деле некогда стояло-постаивало в нашем Художественном музее, и нас за попытку сбыта госимущества... – Глаза Рыжего лукаво блеснули. – А, Сонечка? Может, не зря ходили после смерти твоего супруга некие интересные слухи? Все-таки он работал охранником музея, так или нет?

У Лиды внезапно перехватило дыхание. Господи... куда она попала, господи?!

– Послушайте, – заговорила сбивчиво, с трудом справляясь с дрожащими губами, – послушайте, все это какое-то недоразумение. Давайте же будем разумными людьми. Я вам говорю: я не Соня! Я ничего не знаю ни о каком тайнике. Мы только зря теряем время на пустую болтовню. Отпустите меня и делайте с этой квартирой все, что вам заблагорассудится, – я ничего никому не скажу. Я хочу только уйти... уехать домой, в Нижний!

Голос вибрировал от слез, но слова выходили какими-то

³ Старинное название фарфора в России.

пресными и сухими, Лида сама ощущала их необедительность, но ничто другое почему-то не шло с языка. И она почти не удивилась, когда на лице Рыжего вдруг вспыхнула ярость, а потом он отвел руку назад и со словами:

– Не хочешь добром, так... – с новой силой двинул Лиду в живот.

Она согнулась, упала на пол. Сдавленный вопль рвался изо рта, но тут же он был загнан внутрь полоской широкого пластыря, перехлестнувшей лицо. Желто-зеленые глаза оказались близко-близко:

– Измолочу, поняла? Изомну все твои потроха кулаками! Ну, скажешь?

Лида повозила головой по полу, это значило всего лишь: «Я ничего не знаю!» – но было воспринято ее мучителем как отказ ответить, и Рыжий начал с силой пинать ее.

– Эй ты, потише! – опасливо сказал Серый. – Может, как-то по-другому попробовать?

Голос его слабо донесся сквозь звон в Лидиных ушах, и она с трудом разлепила залитые слезами глаза.

– Хорошая мысль, – сказал Рыжий. – А не трахнуть ли нам барышню... извращенно? А? Говорят, если без привычки, это довольно болезненно.

– Чтоб Сонька – без привычки? – усомнился Серый. – Да брось! Слухи ходят, она чуть ли не с шестью мужиками одновременно сношалась. И сзади, и спереди, и снизу, и сверху, и даже сбоку. А негр?!

– Слушай, ты меня возбуждаешь, – пробормотал Рыжий. – Обожаю испорченных женщин! А ну-ка, помоги мне.

Он приподнял Лиду за плечи, Серый схватил за ноги, и в следующее мгновение она оказалась лежащей на кровати, от которой тянуло кисловатым духом несвежего белья.

* * *

Да нет, ничего такого не было в жизни Ани, в чем она постыдилась бы признаться Диме. И она досталась ему невинной девушкой – это был непреложный факт, которым он не переставал откровенно и смешно гордиться. Но все-таки была в ее жизни одна роковая ночь!

Аня тогда поступила на филфак пединститута и вместе со всеми отправилась в колхоз. Сотни три девок и парней (преимущественно девок, поскольку пединституты в то время славились как кузницы женских кадров, у них на филфаке из ста человек было только десять – мужского полу, на физмате и химбиофаке почти аналогично) долго везли на грузовиках в район имени Лазо, а потом свалили на окраине какой-то деревни в виду длинного, приземистого здания без окон, от которого исходил глубокий могильный дух. Это был заброшенный яровизатор, и сельхозначальство не нашло ничего лучшего, как поселить будущих педагогов здесь на целый месяц. Что характерно, лихая советская молодежь ничуть не испугалась жутких условий, а восприняла их как

должное. О правах человека и всяком таком в то время и слыхом не слыхали, кроме того, ребяташки только что прошли горнило вступительных экзаменов (три человека на место) и готовы были носом землю рыть от счастья, что зачислены в институт.

Копать бесплатно колхозную картошку? С радостью! Жить в вонючем яровизаторе? Запросто! Спать на нарах? Да мы только об этом и мечтали всю нашу молодую жизнь!

Однако наспех сколоченные нары вместили только половину народу. Нет, остальным не пришлось валяться прямо на полу: для них завезли несколько грузовиков деревянных ящиков, и из этих шатких сооружений студенточки изобретательно соорудили себе лежа, вернее, лежбища, нагромоздив на них матрасовки, набитые сеном. И начались сельхозподвиги! Днем ораву вывозили на поля – к чертям куда-то, очень далеко, и если правда, что территория Хабаровского края могла бы вместить не меньше двух перемещенных на Дальний Восток государств, то они побывали не то в Бельгии, не то во Франции.

Сентябрь выдался дождливый, ночами в яровизаторе стоял крепкий дух мокрых кирзовых или резиновых сапог, неохотно просыхающих носков и телогреек, немых тел (в баню, в соседнюю деревню, добрые крестьяне вывозили городских раз в две недели, чтоб не забаловались. Это вам не у папы с мамой!). С другой стороны, девчонки и парни были слишком молоды и неприхотливы, чтобы всерьез страдать от

безумного сельского быта и переизбытка работы, и слишком затурканы, чтобы осмелиться протестовать: а вдруг отчислят из института?! Самое смешное, что спустя многие годы они вспоминали Веринский совхоз с искренним умилением, чуть ли не как лучшее время жизни. Ну а тогда – простывали, конечно. И болели.

На предмет выявления захворавших раз в неделю приезжал из института начальник медпункта. Аня решилась и пожаловалась, что ломит по вечерам поясницу, а внизу живота болит до невозможности. Врач деликатно повозил пальцами по ее животу и ахнул: «Здесь больно? А здесь? Да у тебя же аппендицит вызревает! Поедешь с нами в город, тебе в больницу надо, и как можно скорей!»

– Какой аппендицит вызревает? – с изумлением спросили в поликлинике, куда Аня пошла только наутро, хорошенько намывшись и выспавшись в своей родимой постели. – Ну и коновалы у вас в институте. У девчонки пиелонефрит! В стационар, и поскорее!

Аню положили в больницу, и началось что-то страшное. Капельницы, переливания крови, уколы, уколы, снова уколы, килограммы таблеток, хмурые лица врачей, мамины слезы... Спустя месяц доктора неохотно признались, что лечили девочку не от того. На самом деле у нее, конечно, не аппендицит, но также и не пиелонефрит. Всего-навсего воспаление придатков. Ошибка в диагнозе – бывает. К сожалению, процесс пошел по трубам в матку и дальше в брюшину, так

что возникала прямая угроза перитонита. Правда, большие дозы антибиотиков должны были помочь...

Помогли. Воспаление остановили. Правда, оставили внутри у Ани сушью пустыню. О том, что она стала стерильной, ее в больнице не предупредили. Или врачи не знали, или сочли это такой мелочью по сравнению со спасением ее молодой жизни...

– К сожалению, вы не сможете родить, – сказали ей спустя десять лет. – Такое ощущение, что в вашей матке напалмом все выжжено. Эмбриону там просто не за что уцепиться!

Не за что уцепиться их с Димой ребеночку...

Сначала Аня никак не решалась сообщить об этой жути мужу. Но он сам понял: что-то случилось.

Кое-как вызвал Аню на откровенность, а потом плакал вместе с ней, будто мальчишка, у которого отобрали игрушку. Только сейчас оба поняли, как хотели, оказывается, ребенка. Дитя должно было увенчать их любовь, а вместо этого...

– Мы все переживем, – наконец мужественно сказал Дима. – Мы любим друг друга, ну что же, это нам такое испытание выпало. Главное – наша любовь.

Легко сказать!

Аня всегда была ревнива, а теперь началось что-то ужасное. К красивым женщинам, которые так и норовили отнять

у нее мужа, прибавились их дети. То и дело в голове вспыхивали картины, как вежливый Дима уступает в автобусе место женщине с ребенком, любитесь малышом, а потом выходит вместе с ними, не доехав до своей остановки, – и больше не возвращается... Ну и все в этом же роде, этакий бесконтрольный полет больного воображения, отчего у Ани начались истерики, и на голову безвинного Димы выливались такие ушаты упреков и слез, что ей потом самой было стыдно. Она рыдала, вымаливала прощение у оскорбленного мужа, проклинала себя, кричала, что он должен ее бросить, что счастье кончилось.

– Нам, знаешь, что надо сделать? – сказал однажды измученный Дима, у которого уже во рту пересохло от клятв в вечной любви и верности. – Нам надо усыновить ребенка!

* * *

– Труссы-то хоть с нее сними, – проворчал Серый, неодобрительно наблюдая, как Рыжий вскочил на колени рядом с девушкой и начал расстегивать джинсы. – Больно суетишься, еще промажешь.

– А ты не желаешь присоединиться? – Рыжий задрал красное платье и схватился за Лидины бедра потными, горячими руками. И тотчас мелко захохотал, когда она забилась, заметалась по кровати, пытаясь вырваться. – Глянь-ка! Девочке не терпится! Она тебя зовет, Серый. Она хочет сразу с дву-

мя!

Серый смачно плюнул на пол и вдруг пошел к двери.

Лида, разлепив залитые слезами глаза, с неким подобием облегчения смотрела на его сгорбленную, удаляющуюся спину. Если Серый уходит, значит, придется перенести только Рыжего. Нет ничего более мерзкого, чем копошащийся на тебе мужик, а уж если их двое... Тогда лучше умереть сразу, сразу. Все равно ведь не пережить такого!

И вдруг с ошеломляющей, ледяной ясностью она поняла, что *пережить* изнасилование у нее всяко нет никаких шансов. Ее просто не оставят в живых!

Она зажмурилась, давась криком.

Вдруг руки, мявшие Лиде бедра, оставили ее в покое. Кровать резко колыхнулась – это Рыжий соскочил на пол, кинулся в коридор:

– Серый! Ты куда?! погоди! Ты что, рехнулся – уходить?!

– Ты сам рехнулся, как я погляжу! – донесся до Лиды угрюмый голос Серого. – Мало тебе лялек? Мы сюда за чем пришли? Хрены греть? Мы за делом пришли! Я-то думал, ты и впрямь такой битый-перебитый, как заливал. А ты просто фраер поганый и больше никто. Мозгов у тебя нет, одна палка из штанов торчит. Сейчас знаешь какая наука? Да по твоей жиже нас найдут, как по отпечаткам пальцев. Охота тебе сесть, да? Охота? Ну а мне – неохота! Иди, иди трахайся! А я лучше пока приберу кой-какое барахлишко. Фарфорчик этот... Сонька дело говорит: тут добра на десятки, а то и на

сотни тыщ!

– Погоди, Серый! – испуганно зачастил его сластолюбивый приятель. – Ничего не трогай! Это не про нас! Если даже Женька не осмеливался толкнуть сии уникальные вещички знающим людям и наварить на них хорошие бабки, то мы, со свиным нашим рылом, запросто завязнем. С этим барахлом ведь не придешь просто так в комиссионку. Коллекционное шмутье! Женька вернется, живо сунет ментам список похищенного – и готово. Кранты нам! Хоть в Москву свези, все равно найдут. Нет, возьмем, как договаривались, только тайничок. По сорок тысяч баксов на брата – и все, поминай как звали!

– Тогда времени не трать, а выдаивай из нее, где тайник! – уже менее суровым голосом ответил Серый, и приятели снова вошли в комнату.

– Выдою! Я уж выдою! – угрожающе посулил Рыжий, поспешно застегивая джинсы и поливая Лиду ненавидящим взглядом.

Она все это время не валялась, конечно, в позе нетерпеливого ожидания: успела скатиться с кровати и, прижимая одной рукой отчаянно нывший живот, а другой пытаясь отклеить пластырь со рта, на цыпочках подбежала к окну.

Боже мой! Да что за система задвижек у Евгения?! Эти штуковины только профессионалу-медвежатнику открывать. А за окном – решетки... Крепко бережет Евгений свои сокровища.

– Ах ты тварь! – зашипел Рыжий, который как раз вошел в комнату. – Не улетишь, птичка, и не надейся!

– Погодите, погодите! – бестолково затвердила Лида, выставив вперед руки. – Не трогайте меня! Я правда не знаю, где тайник, но я постараюсь его найти – если вы меня отпустите потом. Дайте слово, что отпустите!

– Конечно, отпустим, – легким голосом сказал Рыжий. – На хрен ты нам сдалась, подруга?

Ох, как хотелось ему поверить... Но ничего не оставалось, как проглотить ком слез, рвущийся к горлу, и еще раз оглядеть комнату.

Где же этот поганый тайник?!

Примерно год или два назад ограбили ее соседа, и Лиду пригласили в понятия. Ограбили виртуозно: не прорывались сквозь блокаду замков и сигнализации на входной двери, а вскрыли квартиру скромных пенсионеров, живущих этажом выше и проводивших практически все лето на даче, проделали дыру в полу и таким образом проникли «на объект». Там тоже шла речь о богатом антиквариате. А у пенсионеров не тронули ничего – вот разве что дверь сняли с петель да пол разворотили.

Надо сказать, Лида тогда накрепко изуверилась в мыслительных способностях ментов. А ведь слово «мент» как бы созвучно со словом «менталитет», происходящим от латинского *mentalis* – «умственный». Где там! Никому и в голо-

ву не пришло, что несчастные пенсионеры были в сговоре с бандюгами и получили хорошую мзду за пролом своей двери и пола. То-то они держались на диво стойко, ни слезинки не проронили насчет попорченного добра, а потом незамедлительно сделали дорожный ремонт в своем старом сарае!

Что касается ограбленного Лидино соседа, то воры отыскивали его тайник: изобретательный любитель антиквариата хранил записку в подлокотнике развалистого кресла. Стоило отвернуть кругляшок, скреплявший пышные складки обивки – и пожалуйста, погружай руку в недра кресла и бери. Хозяин поведал, что взяли тридцать тысяч долларов, но у Лиды осталось такое чувство, что он нарочно занизил сумму...

Это достопримечательное событие своей жизни она и вспоминала сейчас, лихорадочно шаря глазами по комнате Евгения. В устройстве тайников всегда есть своя логика. Психологическая закономерность! Интеллигенты прячут деньги в книги и картины, хозяйственные женщины – в белье или продукты, в холодильники, наконец. Люди высокомерные, считающие себя лучше других, лезут на потолок, к люстрам. Ограбленный сосед обожал смотреть телевизор и, наверное, испытывал особое удовольствие, положив руку на многодолларовый подлокотник кресла.

Какое место в квартире может быть настолько значительным и любимым Евгением, чтобы он устроил там тайник? Кровать. Конечно, кровать! Она вспомнила поцелуи Евге-

ния, все его назойливые выпуклости, которые к ней прижи-
мались, – и конвульсивно согнулась. Вот сейчас ее вырвет,
вырвет прямо сейчас от ненависти ко всем мужикам на свете,
которые созданы нарочно для того, чтобы причинять стра-
дания женщинам. Ослабевшие ноги не держали, и Лида тя-
жело опустилась на пол, прильнула к нему щекой, уже не об-
ращая внимания на пыль и мусор. Интересно, как ее парши-
вую сестрицу не раздражала такая грязь? Из-под покрывала
свешиваются затасканные простыни неопределенного цвета,
а под кроватью валяется собачья подстилка. Хотя нет, на-
звать это ложе подстилкой язык не повернется. Честное сло-
во, сразу видно, кого по-настоящему любит Евгений! Если с
девками своими неделями валялся на одних и тех же линя-
лых простынях, то чехол на подстилке Анри Четвертого из
натурального бледно-желтого шелка в синеньких цветочках.
Неслабо. И эти цветочки... Вроде бы гербом Бурбонов была
лилия? Это, правда, колокольчики, но все равно – из семей-
ства лилейных. И мягко же, наверное, спит Анрио, судя по
толщине матрасика...

«Да ведь тайник Евгения – вот он, – вдруг ошарашенно
подумала Лида. – Я его нашла!»

Не было никаких сомнений. Иногда ей приходили в голо-
ву такие вот судьбоносные догадки, напоминающие озаре-
ния, и, по вещему холодку в кончиках пальцев, она всегда
знала, что найденный ответ – единственно верный из всех
возможных.

Первым побуждением было вскочить, радостно заорать, тыча пальцем в драгоценную подстилку, но она немедленно спохватилась и одернула себя:

«Идиотка! Не отдавай им деньги! Заморочь им голову, а деньги возьми себе. *То, другое* дело, еще вилами на воде писано, а эти деньги – вот они!»

От изумления Лида забыла о боли и о своих мучителях – несколько преждевременно, как выяснилось, потому что в следующий миг руки Рыжего с силой вцепились в ее плечи и чувствительно трянули:

– Время тянешь? Дурачишь нас? Думаешь, пожалеем тебя? Хрена с два! Серый! Давай шнур!

Лида оглянулась. Мрачный, нахмуренный Серый приближался к ней, держа что-то вроде черной резиновой скакалки, на которой Лида некогда до одури прыгала во дворе.

«Откуда у них моя скакалка? – подумала Лида тупо. – И зачем она им?»

Ей незамедлительно дали понять – зачем. Серый проворно сделал на шнуре петлю и накинул ее на шею Лиде прежде, чем та успела отпрянуть.

– Ну, посмотрим, крепкая ли у тебя шейка! – проворчал Серый и медленно стянул петлю на Лидином горле.

Она захрипела, зашарила руками, пытаясь поймать шнур, однако Рыжий крепко стиснул ей запястья.

Петля ослабела. Пережив мгновение сосущей пустоты в легких, Лида со всхлипом хватала воздух, хрипела, вымали-

вая пощаду.

Рыжий раскраснелся и вспотел. Серый смотрел брезгливо:

– Где бабки? Ну? А то сейчас снова давить начнем!

Лидины губы слабо шевельнулись. Она уже хотела сказать: «В собачьей подстилке!» Но промолчала... может быть, потому, что краешком сознания понимала: откроет тайну – и тогда Серый придушит ее уже всерьез. За элементарной ненужностью!

Хотя он и сейчас, похоже, не намеревался шутить... Петля затянулась вновь, и внезапно не осталось никаких мыслей – ничего, кроме звона в ушах и огненных пятен перед глазами, которые в какое-то мгновение вдруг затянуло всепоглощающей чернотой.

– Елка-палка, – растерянно сказал Рыжий, который вглядывался в закатившиеся глаза жертвы и первым заметил, как исполненный муки взор погас. – Эй, Соня, ты чего?

Он тряхнул девушку за плечи, и голова ее безжизненно запрокинулась.

– Да ну, это шутка! – напряженным, басистым голосом сказал Серый, пытаясь ослабить петлю, но руки вдруг задрожали и перестали ему повиноваться.

– Ни хрена себе шутка! – прошептал потрясенный Рыжий, глядя на страдальчески оскаленный рот девушки. – Да она ведь... мать моя женщина! Сонька-то померла! Ты ж ее убил!

– Ладно, не психуй, – бросил Серый. – Знал, на что шел, – чего теперь детсадника из себя корчишь? Давай быстренько ноги отсюда делать, понял?

Рыжий, шныряя глазами по комнате, нервно тер руками горло, словно Серый душил именно его, а не девушку.

– Понял, – наконец прошептал он и послушно пошел было в коридор – почему-то на цыпочках, высоко поднимая ноги, – как вдруг шатнулся к стене, услышав мощный удар в дверь.

Из дневника З.С., Харьков, 1920 год

Борькин дом стоял на противоположном берегу Муромки, недалеко от нашего Нескучного. Я так любила Нескучное, что даже представить себе жизни без него не могла. Мы сроднились с этим домом, с этим садом, с этим воздухом. И Борис был как бы частью всего этого – невыразимо родной и в то же время не такой, как, например, остальные кузены или братья. Он был знакомым до каждого вздоха – и в то же время другим, таинственным. Чувствовала я себя с ним и спокойно, и тревожно. Я ведь выросла в деревне и не отворачивалась смущенно, когда видела, как петух вскакивает на курицу, кобель лезет на сучку, как бык покрывает корову – это была повседневность, обыденность. А деревенские девки? Я с ними дружила, они разрешали мне рисовать себя и не жеманились, когда болтали о жизни, о любви, о том, что происходит между парнями и девками

после вечорок, между мужиками и бабами по ночам. Некоторые мои подруги уже замуж повыходили и тоже рассказывали, как это все случается между супругами. И я знала, что это случится между нами с Борей, когда мы поженимся. Это меня страшно волновало, я это представляла себе, во сне иногда видела... такие смутные, мутные бывали сны! Но вот что удивительно: как ни пыталась я представить на месте Борьки кого-то другого, ну, не знаю, кого-то из знакомых гимназистов или студентов, – никак не получалось. Это было стыдно и смешно. И наоборот. Стоило же о Борьке подумать – все, в голове туман, в теле какие-то такие ощущения... Не то постыдные, не то романтические. В общем, правильно он говорил, что мы были созданы друг для друга!

Теперь я все это довольно связно могу изложить, а тогда, в те дни, когда мы были просто влюбленными, мы жили как в чаду. Помню тот день в мае: мы сорвали первые ветки вишни и черемухи, и знали, что скоро весь сад будет белый и душистый: за эту ночь (шел теплый дождичек) весь он оделся в зелень, и луга сделались усеяны цветами, а поля стояли ярко-зеленые, всходы чудные! Вот эти первые ветки вишни и черемухи – было наше тогдашнее состояние, а сад, который вскоре станет белым и душистым, – это наше будущее, которого мы ждали с таким нетерпением.

Теперь мне сладко вспоминать даже те волнения, которые нас обуревали. Мы уже считались женихом и невестой (правда, только для самых близких, а от

остальных это был такой секрет Полишинеля⁴), но свадьбы предстояло ждать два года – до окончания Бороного института. Боря уехал на практику. Он ведь выучился на инженера-путейца, ему надо было практику проходить, и можно представить, как я волновалась из-за того, что его назначили в Маньчжурью, а он взял и выбрал Лаолян! Ведь это происходило в 1904 году, война с японцами началась, и легко представить, как мы все за него боялись.

Меня тогда спасала только живопись. Да так всегда было, с самого детства. С самого раннего детства я привыкла смотреть на «художество» как на «дело жизни». Как забавно вспомнить, что мы все ни у кого не учились. У нас в семье всегда так было: как только ребенок рождается, дают в руки карандаш – и сразу рисуем! Ну вот, значит, живопись спасала и книги. Я тогда, помню, все Пушкина читала:

*Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.*

*Где цвел? Когда? Какой весной?
И долго ль цвел? И сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен туда зачем?*

На память верного свиданья

⁴ Секрет Полишинеля – секрет, который всем и так известен, мнимая тайна.

*Или разлуки роковой?
Иль безутешного страданья
В глуши полей, в тиши лесной?*

*И жив ли тот? И та – жива ли?
И ныне где их уголок?
Или они уже увяли,
Как тот неведомый цветок?*

Может быть, неточно цитирую, но так уж запомнила – на всю жизнь.

Ах, сколько цветов тогда положила я в разные книги «на память верного свиданья или разлуки роковой» – имея в виду, конечно, свидание и разлуку с Борисом! И сколько цветов я тогда нарисовала акварелью! Не обязательно какие-нибудь пышные, садовые, а самые скромные, вроде душистого горошка или татарника. Стихи и цветы помогли мне дождаться Бориса и не сойти с ума от тревоги за него.

Потом он еще не раз бывал на Дальнем Востоке, ему очень тяжело приходилось, но в такой опасности, к счастью, не оказывался. Как вспомнишь, сколько страхов я всегда за него переживала... а когда он заболел в последний раз, почему-то никакого предчувствия, ничего не было, я была спокойна – и горе на меня обрушилось как лавина!

Это случилось два года назад – Джейсон тогда в очередной раз собрался жениться. Бывали у него в жизни такие периоды, когда задача продолжения рода ставилась его стареющими родителями особенно остро, да и самому делалось как-то... одиноко. Джейсон был по гороскопу Дева, то есть самодостаточный работоголик, но что-то все-таки произошло в тот день: магнитная буря, или метеоритный рой пролетел в опасной близости к Земле, или просто, как говаривал русский дедушка, моча в голову ударила, – однако Джейсон напечатал на своем личном ноутбуке письмо и отправил его на адрес московского брачного агентства «Русский Гименей». Он недавно на этот сайт случайно наткнулся и просмотрел его из чистого любопытства. Джейсона всегда интересовала его историческая прародина! Его поразило количество мужчин, желающих связать свою судьбу именно с русской. Писали почему-то всё больше из северных стран: Норвегии, Швеции, Финляндии. Видимо, русских невест там ценили за морозоустойчивость. Среди объявлений были очень смешные. В некоторых с точностью до сантиметра указывались параметры невесты, в других назывались немислимые блюда, которые барышня должна уметь готовить. А один чудак (помнится, из США, штат Южная Дакота) даже перечислил несколько поз из «Камасутры», которыми обязана овладеть

невеста. При этом житель Южной Дакоты категорически настаивал на нерушимой девственности кандидатки...

Джейсон тогда долго и тупо думал, как совместить «Камасутру» с девственностью, пока до него не дошло: да ведь южный дакотец (дакот? дакотианец?) просто шутит. Ведь эти объявления никого ни к чему не обязывают. Ну, получишь в ответ десяток писем с фотографиями, ну, посмотришь на хорошеньких девушек...

Дед еще говорил: «За спрос денег не берут». И он очень хотел, чтобы внук женился именно на русской.

Отчасти именно поэтому Джейсон отправил в Москву письмо следующего содержания: «Австралийский бизнесмен с русскими корнями, 37 лет, рост средний, телосложение среднее, глаза карие, волосы каштановые, ищет «тургеневскую девушку» для приятного знакомства, а при взаимной симпатии – и с более серьезными намерениями. Внимательно рассмотрю всякое предложение».

Черт его знает, откуда взялась вдруг эта «тургеневская девушка»! Правда, накануне он как раз перечитывал «Вешние воды»...

Что это, собственно, такое – «тургеневская девушка»? Джейсон вдруг вспомнил, как у Валентина Катаева (Катаева Джейсон тоже очень высоко ценил и частенько перечитывал, от «Паруса одинокого» до «Вертера») юный Петя Бачей, томящийся от первой любви, «наскоро смешав Татьяну, Веру, Асю, Джемму, оставив загробный поцелуй Клары Милич и

прибавив черный бант в каштановой косе, в конце концов получил «ее» – ту единственную, нежную, на всю жизнь любимую и любящую...»

Джейсон невольно захохотал и подумал, что каштановые волосы его бы не устроили. У него у самого они каштановые! Он всегда предпочитал блондинок – как и положено джентльмену.

Поразмыслив, он изменил в тексте своего брачного запроса одну фразу: «...ищет светловолосую «тургеневскую девушку». И отправил письмо, не зная, что посеял бурю.

Еще благодарение Господу, что не дал по привычке электронный адрес своего офиса! Стоило только представить себе, как три его секретарши, любительницы мыльных опер, день за днем открывают эти бесчисленные письма с прикрепленными к ним фотографиями неземных красавиц...

Сначала Джейсон прилежно читал письма, потом ему это надоело, и он начал только просматривать фото, поражаясь количеству и качеству женской красоты со штампом «Made in Russia». У него просто глаза разбегались. Каждую, ну натурально каждую из этих барышень можно было брать за руку и вести в Голливуд, чтобы наповал убить местных разборчивых боссов. Но вот беда – сердце Джейсона при виде их не дрогнуло ни разу. Он не очень-то много знал о настоящей любви, но, судя по Тургеневу, сердце должно было дрожать. Более того – обязано!

И вот как-то раз...

К тому времени поток писем несколько пошел на убыль. Впрочем, Джейсон уже втянулся в этот ритм жизни: как бы поздно ни возвращался из офиса, обязательно находил час-другой, чтобы полюбоваться очередными красавицами, с сожалением вздохнуть и вписать в заготовленный трафарет имя:

«Многоуважаемая Марина (Людмила, Нина, Татьяна, Светлана и т. д.)! Очень признателен вам за ответ. Вы действительно необыкновенно красивая девушка, и я надеюсь, немало найдется мужчин, желающих предложить вам руку и сердце. К сожалению, я вынужден извиниться за причиненное беспокойство. Еще раз благодарю вас за ваше внимание. С глубоким почтением, ваш искренний друг Джейсон Полякофф».

Очень вежливо и очень обтекаемо. И очень глупо. Но в самом деле, как должен выглядеть ответ с отказом? Главное, чтобы не обиделась, хотя все равно ведь обидится...

И вот он открыл очередное послание.

И увидел ее.

Знаменитый на всю Австралию экспортер шерсти, миллионер Джейсон Полякофф почувствовал, как дрожит у него сердце. Он был взрослый, трезвый человек, он прекрасно понимал, что фотография может отчаянно льстить человеку, история знает случаи, когда люди переживали из-за таких вот лживых портретов истинные трагедии! Не Генриху ли

Восьмому прислали очаровательное изображение Екатерины Арагонской, а при виде оригинала он с трудом удержался, чтобы тут же не отрубить прекрасной даме голову? Почему же Джейсон был уверен, что портрет не лжет?!

Не то чтобы она была такая уж красавица, хотя, конечно, исключительно хороша, прелестна. Но нечто более сильное, чем красота, сияло в глазах и таилось в уголках улыбающихся губ. Очарование, вот что это было. Или нет, возможно, немало нашлось бы мужчин, которые просто с удовольствием взглянули бы на это личико, улыбнулись – и пошли дальше своим жизненным путем, искать свою женщину.

Вот в чем штука! Это была женщина Джейсона! Единственная. Тот идеал, который существует в воображении каждого мужчины.

«Тургеневская девушка», словом.

И звали ее необыкновенно красиво – София.

Соня Богданова.

* * *

Дверь гроыхнула еще раз, и тотчас вслед за этим раздался басистый собачий лай. А потом грохот и лай смешались в кошмарном хоре.

– Пес его вернулся! – сообразил Рыжий. – Прибежал домой, как ты и говорил! Бьется телом о дверь! Как бы не вышиб ее!

– Анри! – послышался в это мгновение пронзительный женский голос. – Мальчик, ты что здесь делаешь?!

Серый невольно передернулся. Его по жизни ужасно раздражали эти жеманные определения собачьих полов: мальчики и девочки. Кобели они и суки, а никакие не мальчики и девочки!

Если бы Серый умел мыслить отвлеченно, он непременно поразмыслил бы на тему, какая чушь лезет в голову человеку, вдруг обнаружившему себя на краю пропасти – в ту самую минуту, когда он меньше всего ожидал. Ведь сейчас они с подельником натурально очутились на краю пропасти! Но Серый не умел мыслить отвлеченно. Он просто стоял и потел, беспрерывно утирая пот со лба.

– Соседка! – едва шевеля губами, пробормотал Рыжий, и Серому стало чуточку легче. – Ничего, поблажит и уйдет.

Черта с два...

– Анри! – столь же пронзительно зазвучал второй голос: неестественно-ласковый и в то же время трусоватый, каким женщины почему-то часто говорят с соседскими собаками. – Голубчик, ты чего так развоевался?

Анри, понятно, не ответил – снова залаял.

– О зараза, еще одна приперлась! – едва слышно простонал Рыжий, мученически заведя глаза. – Обложили!

– Здравсте, Алла Ивановна! – поздоровалась первая соседка.

– День добрый, Олеся Петровна, – отозвалась Алла Ива-

новна. – Ой, нет, Анрюшечка, не надо мои туфли грызть, ты что?! Пошел вон, дурак!

– Да вы не дергайтесь, Алла Ивановна, – довольно хладнокровно посоветовала первая соседка. – Вы дергаетесь, а это его возбуждает.

– Отойди от меня! – Голос Аллы Ивановны взвивался все выше, и Серый страдальчески схватился за виски.

«Сейчас весь подъезд сбежится!»

Лай и визг вдруг затихли.

– Это мои лучшие туфли... – стонущим голосом проронила Алла Ивановна. – Я ж их в «Хрустальном башмачке» покупала. Они ж эксклюзивные...

– Плюньте в глаза тому, кто вам это сказал, – посоветовала первая соседка. – В «Хрустальном башмачке» только искусственная кожа, а в ней нога преет. Вы, главное, стойте спокойно. Анри не любит искусственную кожу, сейчас отстанет.

На какой-то миг воцарилась тишина. Слышно было только упоенное собачье чавканье.

– Олеся Петровна, – простонала Алла Ивановна. – Ради бога, уберите этого поганого пса!

– Куда ж я его уберу? – спросила другая соседка.

– Откройте дверь и загоните в квартиру! По-моему, это неправда, что ему не нравится искусственная кожа. К тому же он очень скоро доберется до натуральной. Моей собственной!

– Ничем не могу помочь, – с ноткой злорадства сообщила

Олеся Петровна. – Ключа-то у меня нет, Алла Ивановна.

– Как нет? – Голос Аллы Ивановны то вздергивался на истерический визг, то падал до шепота. – Вам же... Евгений Петрович вам же... всегда оставлял же...

– Всегда оставлял, а на сей раз оставил Соньке Аверьяновой. – В голосе соседки зазвенела обида. – И вот вам результат. Анри колотится под дверью, а где эта Сонька?

Рыжий и Серый разом оглянулись на дверь комнаты, где валялось безжизненное тело с резиновым шнуром на шее.

– Я здесь, – послышался вдруг чуть запыхавшийся голос. – Кто меня тут всеу поминает? Всем здрасте.

– Сонечка! – взвизгнула Алла Ивановна. – Наконец-то! Умоляю вас!.. Я больше не могу!

– Анрио, к ноге! – послышалась команда. – Да к моей ноге, придурок!

Вслед за этим послышался дробный перестук каблуков по ступенькам и хлопок двери этажом выше, из чего можно было сделать вывод, что Алла Ивановна наконец эвакуировала свою натуральную кожу вместе с остатками искусственной.

Но и Рыжего, и Серого ее судьба интересовала мало. Они как по команде двинулись из коридора в комнату, стараясь ступать как можно тише.

Девушка в красном платье по-прежнему лежала на полу, заведя глаза и не дыша.

– Ё-ка-лэ-мэ-нэ!.. – задумчиво прошелестел Серый. – Если Сонька там, на лестнице, кого же мы придавили, а? Ты

ничего не мог перепутать, придурок?

– Да ты что?! – громким, возмущенным шепотом отозвался Рыжий. – Да я эту проститутку с пятого класса знаю!

Серый погрозил ему кулаком: тише, мол! – и снова вышел в коридор.

Следом прокрался Рыжий.

– Анри, ты что тут делаешь? – весело спросил на площадке голос той, чье тело они только что видели возле кровати, и Рыжий нервно дернул рукой, впервые в жизни ощутив желание перекреститься. – Ты почему на лестнице, а не дома?

– Это *вам* лучше знать, Сонечка, – ехидно отозвалась Олеся Петровна. – Это ведь *вам* Евгений Петрович оставил ключи от своей квартиры!

– Ну и оставил, ну и что? – грубо отозвался Сонин голос. – Надоело ему, что вы там в каждую дырку лезете, вот и отдал мне.

– Я... ах?! – послышался возмущенный вопль, и оглушительный хлопок двери возвестил, что оскорбленная Олеся Петровна ретировалась.

– Будешь так дверью бабахать, в следующий раз дом тебе на голову рухнет, никаких террористов не понадобится! – сердито крикнула ей вслед Соня и совсем другим тоном обратилась к Анри: – Дружище, что ж ты тут делаешь? А где Лида?

Серый и Рыжий уже привычно оглянулись на комнату.

Неподвижная, судорожно вывернутая нога. Красный подол. Краешек черного шнура.

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! – выдохнул Серый. – Лида... Она ж говорила: «Я не Соня, а Лида!»

– Близнец?! – недоверчиво пробормотал в ответ Рыжий. – Да брось ты! Не было у Соньки никакого близнеца, я ж ее с пятого класса...

И едва успел увернуться – напарник целил кулаком ему в голову.

– Заткнись! – прошипел Серый, трясаясь от ненависти. – Потом побазлаем, кто с кем в школе учился! Драть отсюда надо, понял? Ноги делать!

– Но как? – простонал Рыжий. – На окнах решетки! Давай лучше отсидимся, может, Сонька уйдет?

– Ну, раз Лиды нет, придется нам ее подождать, правда, Анри? – слышался в этот миг Сонин голос. – Садись вот сюда, со мной рядышком... Нет, погоди, я под себя сумку подложу, а то как-то холодно.

Рыжий шатнулся к стене, потому что ноги вдруг сделались как макаронины.

– А вдруг она тут до упора будет сидеть? – выдохнул он. – Или, чего доброго, полицию вызовет, чтоб дверь ломали? Увидит, что сестра не идет, перепугается – и...

– Я ж говорю – удирать надо! Доставай нашу пукалку. Рыжий выдернул из кармана пластмассовый пистолет.

– Как настоящий, – мрачно хмыкнул Серый. – Чуть только выскочим – ткни Соньке в рожу. А я в пса из баллончика пшикну.

– Главное, не промахнись и в кого другого не пшикни, – посоветовал Рыжий. – В меня, например. Да и вообще – там еще осталось что-нибудь, в баллоне-то?

– Вот заодно и выясним, – хладнокровно ответил Серый. – В нашем деле главное – моральный перевес. Как выскочим – сразу летом, летом вниз по лестнице! Понял? Нет, погоди.

Он вернулся в комнату. Послышался треск, и Серый вновь вышел в прихожую, держа в руках два лоскута.

– Вот от покрывала отодрал. – Он протянул один лоскут приятелю. – Морду завяжи, чтоб Сонька тебя не узнала. И шляпу надень, волосы спрячь.

Он сорвал с полки над вешалкой совершенно ковбойский «стетсон» и какую-то кепку. После мгновенного раздумья нахлобучил кепку на себя, а «стетсон» отдал подельнику. Рыжая голова утонула в шляпе до самых бровей, и Серый удовлетворенно кивнул. Еще минута ушла на то, чтобы тщательно завязать снизу лица.

Потом Серый на цыпочках приблизился к двери и принялся осторожно поворачивать рукоять замка.

* * *

Решить, конечно, это одно, а вот сделать... Богдановы ли-

хорачдочно собирали справки, обзванивали детские дома. И сразу – обухом по голове: на усыновление огромные очереди, ждать придется самое малое пять лет.

Аня чуть в обморок не упала с телефонной трубкой в руках. Пять лет! Сейчас ей 27, а тогда будет 32. И ведь это – «самое малое»... Как выдержать? Как дождаться? Как взять себя в руки? А у Димы – хватит ли выдержки и сил? Не плюнет ли он за эти годы на ожидание и не сбежит ли от ревнивой истерички, в которую в одночасье превратилась веселая, милая Анечка?

И пожаловаться на жизнь совершенно некому. Разве можно так вот взять – и признаться в собственной несостоятельности тем самым подружкам, которые всегда завидовали их с Димой неземной любви? Аня за последнее время нарочно отдалилась от всех, чтобы не видели ее исплаканных глаз, поблекшего лица, а на работе вечно отвиралась нездоровьем и держалась до того отчужденно, что с ней уже не решались лишний раз заговаривать.

И вот однажды она нос к носу столкнулась со своей бывшей сокурсницей. Нонна ее звали. Да, точно – Нонна. Дело случилось в автобусе, причем ни сойти, ни увернуться в давке было невозможно, и Аня дорого дала бы сейчас за какую-нибудь аварию, чтобы скрыться от больших, водянисто-голубых Нонниных глаз. Однако эти глаза были полны одного чувства: жгучего негодования. И на Аню сразу, без предварительных вежливых расспросов, это негодование

было немедленно выплеснуто, хотя предназначалось вовсе не ей, а Нонниной квартирантке, которая, которая такая... (это было произнесено так же громко, как и все прочее), оказывается, беременна! А ведь был железный уговор: никаких мужчин и детей, приходиться не позже десяти вечера, вообще вести себя как порядочная девушка! Ирочка продержалась полгода, потом у нее появился какой-то кавалер... но с некоторых пор ее тошнит по утрам, из туалета доносятся жуткие, отвратительные звуки, она то плачет, то в обморок падает, и по всему видно: плохи дела. И рыдает: похоже, кавалер, узнав о беременности, подружку бросил. Нонне надо было девчонку сразу выгнать, но она, дура, пожадничала: как раз накануне взяла у нее деньги аж за три месяца вперед, ну и потратила их, само собой разумеется. И что теперь делать? Домой, в деревню («Ирка родом из того самого Веринского совхоза, куда нас когда-то на первом курсе отправляли, помнишь, Ань?»), возвращаться не собирается: мать умерла, отец ее сразу прибьет, и вообще – какой смысл позориться? Деньги у нее тают, через три месяца Нонне придется дать ей от ворот поворот, а куда она пойдет с брюхом – на улицу, что ли?!

– Главное дело, – трясясь от возмущения, прокричала на весь автобус Нонна, – она мне на днях говорит: раз аборт делать поздно, может, я рожу, а вы моего ребенка к себе возьмете, а то что это такое: живете одна как перст, ни детей у вас, ни кошки, ни собаки, ни мужа! Ты представляешь?! А

мне никто не нужен, тем более какой-то там ребенок, у меня их вон – в четырех классах сто двадцать идиотов, выше головы хватает! И главное, Ирка сказала, что дорого за своего ублюдка с меня не возьмет! Ну, спасибо! Век за нее буду Бога молить! Ой, Ань, пока, я чуть свою остановку не проехала! – И Нонна принялась энергично пробираться к выходу.

Аня пробормотала вслед: «Пока» – и плюхнулась на освободившееся рядом сиденье. Что-то перестали держать ноги. И надо было подумать, хорошенько подумать...

* * *

Соня, прикорнувшая рядом с Анри на ступеньке, изумленно встрепенулась, услышав скрежет замка.

Что за черт? Значит, Лида была в квартире? Почему же она не впускала собаку? Неужели так испугалась добрейшего ротвейлера, что заперлась от него на все замки?

Соня с раскаянием качнула головой. Конечно, она сыграла с Лидой плохую шутку, но, расскажи она сестре про Анри заранее, совсем не факт, что Лида согласилась бы «махать не глядя». То есть железно не согласилась бы. А ведь Соне до зарезу нужно было оказаться на кладбище именно в то время, когда уезжал Евгений. Просто грех был не воспользоваться таким подарком судьбы, как появление этой «невинной простушки» Лидочки. Другое дело, что съездила Соня на кладбище зря. Ничего, кроме новых унижений, не испы-

тала.

На глаза навернулись слезы, и Соня смахнула их сердитым движением. А, к чертям. Думай о приятном. О том, например, какую сцену сейчас устроит тебе сестра.

Впрочем, и Соне есть за что устроить сцену дорогой Лидочке!

Ба-бах! Дверь с грохотом распахнулась. Соня едва успела отпрянуть, как мимо нее промчались вниз по лестнице две какие-то сгорбленные фигуры.

Анри взревел и понесся следом. Через миг все трое исчезли, потом внизу тяжело хлопнула дверь подъезда, и все стихло.

«Грабители! – сообразила Соня. – Это были грабители, которые обчистили Женьку!»

Она вбежала в квартиру и тут же кинулась на кухню, где стоял телефон. Схватила трубку – тишина.

Батюшки, провод-то обрезан! Вон какой кусище выхвачен, не меньше полутора метров.

Надо найти мобильный. Куда она его сунула?.. Нет, сначала надо посмотреть, что украдено. Соня метнулась в комнату, бросила встревоженный взгляд на комод – и замерла при виде неподвижного тела в красном платье. Бледно-золотистые волосы разметались на грязном полу, голова неестественно запрокинута, а на шее...

«Так вот зачем им понадобился телефонный провод, – отстраненно подумала Соня. – Вот зачем...»

Не сознавая, что делает, она вышла в коридор – и вдруг качнулась к стене. Ноги подкашивались. Как-то внезапно, словно ударом, до нее дошло, кто это лежит там, возле кровати, и почему такими знакомыми кажутся красные босоножки на поджатых ногах, и красное разметавшееся платье, и прядь волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.